АКАДЕМИЯ МАГИИ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

ШКОЛА СПЯЩЕГО ДРАКОНА

Академия Магии

Кира Измайлова

Школа спящего дракона

«Эксмо»
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Измайлова К. А.

Школа спящего дракона / К. А. Измайлова — «Эксмо», 2018 — (Академия Магии)

ISBN 978-5-04-094884-0

Что делать, если, открыв поутру глаза, ты видишь над собой не знакомый потолок, а роскошный балдахин? А если тело немного похоже на твое, но явно принадлежит другой женщине? Счастье, что память ее досталась тебе… правда, вместе со всеми проблемами! Отныне ты не бывшая учительница Вера Усольцева, а Гайяри Соль Вэра, младшая дочь советника Императора. И ты фактически в изгнании, потому что дар твой слишком опасен. Хотя в школе Примирения на краю света ты больше не доставишь хлопот. Или нет? Ведь в школе этой творится что-то очень и очень странное, и причиной этому не только твое появление…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094884-0

© Измайлова К. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 22
Глава 5 28
Глава 6 34
Глава 7 41
Глава 8 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Кира Алиевна Измайлова
Школа спящего дракона

© Измайлова К., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Вера проснулась как обычно, в половине шестого утра. Можно было спать и подольше, но она предпочитала неторопливо сделать зарядку, принять душ, собраться и – с учетом всех пробок – прибыть на работу до начала рабочего дня, чтобы успеть приступить к делам без суматохи и спешки. Это начальство не опаздывает, а задерживается, рядовым же сотрудникам подобное не дозволено.

Странно только, почему так светло? Поздней осенью в такую рань за окном разве что фонари увидишь, никакого солнца, а сейчас даже под натянутое на голову одеяло пробивался свет.

Может быть, она забыла погасить люстру на ночь? Так нет же, точно щелкнула выключателем, улеглась, потом уже в темноте встала притворить форточку, ударилась мизинцем о ножку стула и долго шипела от боли. Да и не уснула бы Вера при верхнем свете, даже в своем уютном коконе!

«Наверно, инопланетяне подлетели поближе и светят прожектором мне в окно», – усмехнулась про себя Вера и решительно оторвала голову от подушки, так что одеяло сползло на плечи.

Подушка была незнакомая. То есть до такой степени незнакомая, что Вера осторожно потрогала ее – нет, не мерещилось. Набита подушка была, наверно, каким-то высококачественным наполнителем: она казалась изумительно легкой, мягкой, но и упругой, легко проминалась и тут же обретала прежнюю форму. Если бы еще не ослепительной красоты наволочка, при взгляде на которую начинало рябить в глазах! Шелковистая, приятная на ощупь ткань скользила под пальцами, вот только окрашена была в цвет… цвет… Первыми на ум почему-то пришли бензиновые разводы в луже, но Вера подумала и решила, что хвост павлина-мутанта тоже подойдет для сравнения.

Вера опустила глаза и обнаружила, что одеяло тоже переливается всеми цветами психоделической радуги, только с преобладанием не лилового с ярко-розовым, а зеленого и лимонно-желтого. От этого сочетания заныли зубы.

Но гораздо больше, чем странное постельное белье, Веру поразил интерьер абсолютно незнакомой комнаты. По правде говоря, очень захотелось зажмуриться: в привычную картину мира никак не вписывалась широченная кровать под золотистым балдахином с кистями, белый пушистый ковер, тяжелые портьеры, сводчатый потолок (даже с росписью, насколько удалось разглядеть Вере, опасно свесившись с кровати)… Надо ли говорить, что таких вот тяжеловесных кресел и внушительных книжных шкафов (по виду – из массива дерева) у Веры никогда не было? Не говоря уже о туалетном столике с инкрустацией перламутром, позолоченном трюмо… Наверняка в комнате имелось еще что-то, но балдахин мешал рассмотреть, а вставать с кровати Вера попросту боялась.

Зато стало понятно, откуда столько света: поистине королевское ложе окружали канделябры, в которых на удивление ровным и ярким пламенем (к несчастью, тоже разноцветным) горели свечи. Вера представила, что могло бы случиться, вскочи она спросонья и опрокинь канделябр на постель, и поежилась. Что-то подсказывало ей, что огнетушителя в этой громадной спальне нет, разве что кувшин с водой найдется. Да, кстати, вон он, еще на одном столике. Тоже позолоченный (а может, и вправду золотой), с тонкой чеканкой в виде райских птиц, украшенный самоцветами…

Тут Вера спохватилась и поискала очки. Она всегда клала футляр под подушку, но теперь его там, конечно же, не оказалось. На носу очков тоже не было – Вера, привыкнув носить их постоянно, иногда и засыпала в них, две оправы так сломала. Но ведь без них она вряд ли различила бы эту самую чеканку на кувшине и роспись на потолке! Изображены там были клубя-

щиеся тучи, прорезанные молниями, огромные крылатые силуэты, замки на скалах – словом, в уменьшенном виде сошло бы за скриншот из компьютерной игры или рисунок для обложки какого-нибудь фэнтезийного романа. И, к счастью, живописец работал в традиционной манере, так что взгляд на потолок успокаивал.

«Мне это снится», – подумала Вера, ущипнув себя за руку.

Руки тоже были чужие: запястья у́же, пальцы длиннее и тоньше. Такие кисти почему-то наводили на мысли о ловчей птице или злобной старой ведьме, особенно если хищно скрючить пальцы. Вдобавок Вера никогда не носила подобного маникюра: во-первых, в госучреждении не принято, во-вторых, не по возрасту (не девочка-подросток уже!), в-третьих, как посуду-то прикажете мыть с замысловато расписанными и позолоченными ногтями такой длины? Да и стоит подобное удовольствие недешево… Мало позолоты – в ноготь на среднем пальце продето крохотное колечко с блестящим камушком! Возможно, не стразиком.

Так или иначе, эти руки явно никогда не знали домашней работы.

И татуировок у Веры не было. Ну, в подростковом возрасте, помнится, они с приятельницами разрисовывали кожу шариковыми и гелевыми ручками, лепили переводные картинки с азиатскими драконами и непонятными иероглифами, но то когда было-то? Теперь же тыльную сторону кисти сплошь покрывал замысловатый тонкий узор. Обвив запястья, он уходил выше, к локтям и, похоже, достигал плеч. А может, и не только…

Вера окончательно сбросила одеяло, чудом не зацепив ближайший канделябр. Одежды на ней не оказалось, и это само по себе было странно: Вера очень не любила спать раздетой. Не потому, что считала это неприличным, просто не слишком приятно, когда с утра пораньше по твоей голой спине гарцует увесистый кот, а стоит дернуться, впивается всеми когтями, чтобы удержаться!

Она зажмурилась, вздохнула поглубже, открыла глаза и внимательно посмотрела на себя.

Тело явно принадлежало кому-то другому, никак не Вере. Слишком гладкая кожа, слишком длинные ноги, слишком… гм… выразительная интимная стрижка. И татуировка на всей видимой поверхности кожи: как Вера и предположила, на плечах узоры не заканчивались.

Не выдержав, она встала и подошла к роскошному трюмо – босые ноги утопали в ковре по щиколотку, – посмотрела на себя уже в зеркало…

И осела на пуфик.

Удивительно, но отражение очень походило на нее, какой она была в юности: рослая, «справная», как говаривал дед. Осанка – королеве впору, плечи гордо расправлены, не ссутулены из-за многолетней сидячей работы. Фигура… С такой фигурой прямой путь в фотомодели! Хотя нет, сейчас в моде другой типаж, а такие статные девицы когда-то хорошо смотрелись на плакатах или там картинах Дейнеки…

Волосы – копна непокорных темных кудрей, в свете свечей отливают медным блеском. Мороки, должно быть, с этакой гривой! У Веры когда-то была коса ниже пояса, она хорошо помнила, сколько с ней возни.

Лицо… Симпатичное лицо, даже очень. Интереснее, чем у Веры, во всяком случае: с широкими скулами, твердым подбородком, большими карими глазами и красиво очерченными губами. А вот нос такой же, вызывающе вздернутый. И брови густые, широкие… Впрочем, это-то как раз сейчас модно.

«О чем я думаю?! – спохватилась Вера. – Какие фотомодели, какие брови? Где я и почему я – не я?! Может, я сошла с ума? Или мне это снится?»

Она еще раз огляделась по сторонам. Нет, таких ярких и подробных снов она никогда не видела… Вдобавок щипки не помогали проснуться. Вот разве что… Вера вздохнула и сунула палец в огонь свечи.

Пламя не обжигало.

«Точно, свихнулась, – подумала она, глядя на свою руку. Маленький огонек переселился на длинный ноготь и теперь мерцал на нем, угрожая погаснуть. Вера сжалилась и посадила его обратно на фитиль. – А может, нет? А просто… Как это в кино бывает – раз, и проснулась в другом месте, в другом теле… Понять бы только в чьем? И почему именно я?»

Впадать в панику Вера не собиралась, это противоречило ее натуре. Если она внезапно сошла с ума, то ее с большой долей вероятности вылечат. А нет – тогда она останется в мире грез, где пока достаточно уютно. Если же перемещение в самом деле состоялось, тогда и вовсе нет смысла бить кулаками по стене и просить вернуть тебя назад.

Позвать кого-нибудь? Какое там! Вера опасалась нашуметь: неизвестно, кто обитает за стеной… Только и оставалось, что размышлять про себя. Это было делом привычным – она частенько вела с собой длинные мысленные диалоги что дома, что по дороге на работу. Вслух как-то неловко, в особенности в транспорте, а так – отчего бы и не поговорить с понимающим человеком?

«Попала я куда-то или сошла с ума – не важно, – решила Вера, поразмыслив. Пока можно думать, что это затянувшийся сон. Ну и посмотреть, что тут к чему… Когда еще такое приснится!»

В комнате было тепло, даже слишком, по ее мнению, хотя как тут устроено отопление, Вера не знала. На виду ничего вроде камина (а именно он лучше всего подошел бы к такой обстановке) не было. Так или иначе, но разгуливать совершенно нагой не хотелось: а ну как войдет кто-нибудь?

На кресле нашелся небрежно брошенный… нет, назвать халатом это произведение искусства из полупрозрачной нежнейшей ткани язык не поворачивался. И если бы не все та же кошмарная расцветка… Казалось, кто-то искупал леопарда в радуге!

Задрапировавшись в пеньюар, Вера подошла к окну и, осторожно раздвинув портьеры, выглянула наружу. Обычно в городе несколько окон светятся даже в такую рань, виден свет, на лестничных пролетах горят фонари. Но нет! Снаружи царила абсолютная темнота, да еще и дождь лил, судя по звуку. Или не дождь, почему-то подумала Вера, прислушавшись. Скорее уж град барабанил.

Рамы тут были с частым узорчатым переплетом в палец толщиной. Замысловатые завитушки блестели позолотой, но что-то подсказывало: красота красотой, а разбить это окно и высадить раму не так-то просто. Стекло тоже толстое, видно, если присмотреться как следует. Радовало, что задвижки и ручки внутри имелись, стало быть, открыть окно при желании все-таки можно. Но, вероятно, не нужно, рассудила Вера, задвинула портьеру и принялась осматривать комнату.

Туалетный столик: понятно, уйма баночек и душистых флакончиков, большая шкатулка, из которой вываливаются украшения – крупные, броские. Ну, к такой внешности они должны подходить.

Ворох одежды громоздился во втором кресле, на стуле, даже на полу – очевидно, хозяйка комнаты не отличалась аккуратностью. По ковру разбросаны туфли – поди еще найди пару! А вот и гора книг – почему-то за креслом, словно кто-то читал, сидя в нем, и бросал тома себе за спину. Вера подобрала один фолиант: он был тяжеленным, в окованном металлом переплете – таким и убить можно, если огреть с размаху. Непонятные пятна возле застежки – то ли ржавчина, то ли засохшая кровь – наводили на такие нехорошие подозрения… Содержимое тома – тем более. Хватило пары иллюстраций, чтобы быстро захлопнуть книгу и положить на место. Прочесть ничего не успела, но, судя по всему, там описывалось, как именно производить изображенное на рисунке выворачивание человека наизнанку при помощи каких-то изуверских приспособлений.

«Письма! – сообразила Вера. – Или нечто в этом роде… Должна же найтись хоть записочка, хоть что-то?»

Она огляделась в поисках письменного стола или чего-нибудь вроде секретера. Но чего не было, того не было. Может, эта татуированная девица, чьими глазами сейчас смотрит Вера, неграмотная? И комната вовсе не ее? Тогда непонятно, правда, что тут делают книги в таком количестве. Но объяснение придумать легко: вдруг супруг или покровитель девицы любит почитать перед сном трактат о пытках, пока ему делают массаж стоп? Получает от процесса двойное удовольствие, а потом закрепляет результат на этой вот монструозной кровати?

Вера потрясла головой, прогоняя дурацкие мысли, и снова осмотрелась. Ну не бывает же так, чтобы ничего, ни единого клочка бумаги…

Взгляд упал на небрежно откинутое одеяло. Показалось или из-под его края что-то белело?

Вера коршуном рухнула на кровать и схватила… да, это действительно оказался лист бумаги! Или не бумаги – она была очень плотной на ощупь и будто бы бархатистой, не белой, скорее цвета слоновой кости с заметными темными прожилками.

Так или иначе, это походило на письмо. Вот заголовок, внизу размашистая подпись, вот только… только…

Она повертела лист так и сяк, но что проку? Да, она определенно видела буквы (почему-то сразу вспомнились «пляшущие человечки), они повторялись и складывались в слова, вот только Вера не могла их прочесть!

«Ну как же так-то? – мелькнуло в голове. – Во всех этих сказках путешественницы по мирам непременно понимают местный язык или быстро обучаются! Если окажется, что я не только читать-писать разучилась, но и с людьми объясниться не могу… Невеселый получится сон, вот что!»

Она вдохнула поглубже, чтобы успокоиться, выдохнула, встала и взяла книгу в переплете поскромнее (и без иллюстраций). В этой буквы совсем не походили на «пляшущих человечков», они были острыми и угловатыми, а читать, похоже, предполагалось сверху вниз. В другом томе буквы оказались уже знакомыми, но прочесть напечатанное (тут уже додумались до печатного станка, машинально отметила Вера) не вышло. Третья, тонкая книжица, видимо, служила справочником: содержимое представляло собой подобие таблиц, сплошь исчерканных разными чернилами. Судя по потрепанному виду и отпечаткам пальцев на страницах, этим справочником пользовались часто (в том числе, видимо, за едой). На форзаце, кстати, Вера нашла размашистую подпись – точно такую же, как в письме. Вот и гадай, то ли девушка подписала свою собственность, то ли кто-то другой, чье письмо она читала перед сном?

«Нет, так не бывает, – серьезно сказала себе Вера. – Надо мыслить логично. Родной язык я не забыла? Я же на нем думаю? Или нет?»

Писать было нечем, пришлось подышать на зеркало и вывести свое имя пальцем. Странное дело: это удалось не без усилия, словно чужая рука не знала, как изобразить всего-то четыре буквы! С английским было еще сложнее, но Вера, тем не менее, справилась.

«Выходит, так, – сказала она себе. – Тело чужое, рефлексы у него другие. Наверно, оно умеет писать по-своему, а выводить наши буквы ему сложно, все равно как мне – арабскую вязь. Прекрасная догадка, поздравляю… А дальше-то что делать?»

Она села на край кровати, снова взяла письмо и попыталась уловить какую-нибудь закономерность. Знаменитый сыщик непременно сказал бы, что вот такая закорючка повторяется чаще остальных, значит, скорее всего, это такая-то гласная. А эта не иначе редкая согласная. Но так можно расшифровать тайнопись, основанную на соответствии придуманных значков буквам знакомого алфавита, а не записку на совершенно чужом языке!

«Это, наверно, «здравствуй», – подумала Вера, водя пальцем по бумаге. – Или «приветствую». А может, «целует пыль у твоих ног, о великий царь, твой ничтожный раб». Но с тем же успехом это может оказаться «приветики, как делишки»?»

Ничего не поделаешь: придется ждать утра, когда кто-нибудь придет и заговорит с ней. И надеяться, что Вера (знать бы еще, как эту девицу зовут!) его поймет. А если нет… Наверно, окружающие решат, что она сошла с ума, опоена каким-нибудь зельем или даже заколдована – поди узнай, что тут в ходу? Может быть, попробуют привести в себя, а может, запрут от греха подальше. Если эта девушка из знатной богатой семьи, то подобный случай не станут предавать огласке, чтобы не навредить репутации родни. Заболела и заболела, затем скончалась от неведомого недуга, дело житейское! Правда, неожиданно потерявшую рассудок девушку можно использовать, чтобы обвинить в этом несчастье кого-нибудь подходящего, но ей самой от этого легче не станет.

Ну а если эта красотка сама себе хозяйка или же находится на содержании у кого-нибудь, то… возможны варианты. Она ведь не сделалась буйной, на людей не кидается, а что слов не понимает – жестами можно объясниться. Вдобавок она и рассказать ничего не сумеет, раз языка не знает…

Вера представила, что могут сотворить люди с фантазией, угоди к ним в руки несчастная сумасшедшая, и невольно поежилась. И у нее-то дома творили всякое, хоть новости вовсе не читай и телевизор не включай: непременно расскажут в какой-нибудь сводке о женщине, которую держали в подвале на цепи и всячески измывались. Редко кому удавалось выбраться, а скольких вообще не нашли? К примеру, таких вот: немых, не совсем здоровых на голову, тех, кого некому было хватиться? И это в современном мире, а здесь, должно быть, нравы еще проще… Ну и какая разница, где будет происходить подобное: в грязной лачуге или в такой вот варварски роскошной комнате?

«Лучше бы мне проснуться, – подумала Вера, невольно шмыгнув носом, – да-да, проснуться, понять, что это просто кошмар, пойти в душ… Позавтракать – и на работу, и пусть Кобра Сергевна шипит сколько угодно, я ее уже расцеловать готова! И даже остаться сверхурочно!»

Она снова всхлипнула от жалости к себе, подняла руку, чтобы утереть глаза, но замерла – ее парализовало вспышкой нестерпимо острой боли. Словно раскаленная спица вошла под лопатку, сделалось нечем дышать. Вера хотела крикнуть, но голоса не было… Письмо выпорхнуло из разжавшихся пальцев и упало на пол. Вера успела еще почувствовать, как, падая навзничь, ударилась головой о столбик балдахина, а после этого наступила темнота…

Глава 2

Открыв глаза, Вера увидела незнакомый потолок. В смысле, однажды она его уже видела: это был не родной, до последней трещинки изученный потолок в ее спальне, а расписной, с бурей, молниями и драконами – кому еще могли принадлежать крылатые силуэты? Разве что боевым дельтапланеристам…

«Что за чушь лезет в голову?» – обозлилась Вера и приподнялась на локте. Она свалилась-таки с кровати, но мягкий ковер смягчил падение, а пышные кудри спасли от шишки на макушке.

Однако это было неприятно: прежде ей никогда не доводилось терять сознание, да еще от какого-то непонятного приступа! Бывало, голова болела и кружилась, давление шалило, сердце покалывало – имелись у Веры кое-какие хронические проблемы, но не критичные. А что поделаешь? Работа нервная, заработок не такой большой, чтобы позволить себе хорошенько пролечиться. А жить без стрессов, кажется, вообще невозможно: не одно, так другое…

«Может, это не у меня, а у нее?» – подумала Вера, сев. В глазах немного двоилось, но не могла же она заполучить сотрясение, стукнувшись о несчастный столбик?

Она подобрала злополучное письмо, изрядно помятое – наверно, перед тем как выронить, непроизвольно сжала его в руке, – и разгладила на колене. Затейливые буквы теперь, казалось, плясали на самом деле, и она зажмурилась и помотала головой, наивно надеясь избавиться от мутной пелены перед глазами.

Как ни странно, это помогло: протерев глаза, Вера убедилась, что зрение обрело прежнюю четкость. В смысле, недавно обретенную – так-то она без очков видела неважно.

Взгляд упал на письмо, и… Если бы Вера уже не сидела на полу, то непременно снова грохнулась бы с кровати. Буквы! Проклятые пляшущие буквы словно устали измываться над нею, взялись за руки и чинно выстроились в понятные строки!

«Чудеса!» – подумала Вера и принялась читать, беззвучно шевеля губами и отчаянно надеясь, что способность разбирать текст не исчезнет через мгновение.

«Здравствуй, отец! – начиналось письмо, а продолжалось довольно неожиданно: – Я думаю, ты прекрасно понимаешь, что я желаю тебе не здравствовать, а сдохнуть в муках, но условности есть условности. С другой стороны, в прощальном письме можно и не церемониться, да и переписывать заново мне не хочется. Пусть уж остается как есть».

«Какие милые семейные отношения», – подумала Вера и перешла к следующему абзацу.

«Ты полагал, дорогой отец, что наконец-то сумел избавиться от меня? От песчинки в своем глазу, от занозы в своей вельможной заднице? Недаром ты раз за разом отсылал меня все дальше и дальше, надеялся, должно быть, что я останусь навсегда в тех чужих краях! Но я возвращалась и снова и снова видела разочарование в твоих глазах. Жаль, я никогда не узнаю, что же помешало тебе нанять убийцу! Неужели ты настолько суеверен, что веришь в проклятие поднявшему руку на родную кровь? Тем более такую? Не ожидала, право: такие замшелые предрассудки у Правого полумесяца! Не стыдно ли тебе, гордящемуся сорока семью поколениями предков, да будет легка их дорога, походить на простого крестьянина, которому позволительно не разбираться в магии крови?»

«Ну все, – обреченно подумала Вера, оторвавшись на мгновение от письма. – Магия! Ну почему, почему, если я действительно попала куда-то, это не мог оказаться техногенный мир? Кнопки нажимать наверняка проще, чем колдовать…»

Выбирать, однако, не приходилось, и она вернулась к чтению.

«И вот твоя последняя попытка, – писала девушка. – Неужели ты думал, я не узнала, что Левый полумесяц предлагал оставить меня при императорском дворе? Чем я отличаюсь от других высокородных девиц? Неужели одним лишь своенравным характером и сомнитель-

ными выходками, как ты изволил выражаться? О, если бы ты знал, какие проказы устраивают дочери Созвездия, сразу перестал бы пенять мне на то, над чем я не имею власти! И ведь ты прекрасно знаешь об этом и в детстве всегда уверял меня, будто это не имеет для тебя значения. Но теперь… Теперь я вижу – мнение двора значит для тебя куда больше, чем дочь. Тем более младшая, тем более такая. Дочь, которую вдобавок никто никогда не рискнет взять в жены. И разве ты можешь рисковать своим положением? Или карьерой моих братьев? Они ведь уже вошли в Хвост Кометы, не за горами тот час, когда они сами получат звания!»

«Ну и названия у них тут, – вздохнула Вера. – Но пока вроде бы понятно… Полумесяцы – это, наверно, главные советники или кто-то вроде. У кого были правый и левый министры, у японского императора, что ли? Ну вот… Созвездие – это, надо думать, придворные. Может, какие-нибудь особенно знатные. Хвост Кометы… свита важной персоны? Но она пишет о званиях… Наверно, это что-то военное, гвардия к примеру. Братья там служат, могут сами стать командирами. Похоже на то!»

Она перебралась на кровать и нашла место, на котором остановилась.

«Разумеется, ты не смог бы найти ничего лучше этой поразительной дыры, – продолжала девушка, – этого восхитительного заведения, в котором, как ты уверял, люди мирно уживаются с подземниками, горные шиарли с лесными, а саблезубый гворр живет в одной клетке с ягнятами и вылизывает их, как родная мать. Несомненно, где-нибудь в подвале отыщется бассейн с парочкой рыболюдей, да и мне найдется здесь местечко, не так ли? Кого я смогу удивить в этаком зверинце?»

«Вот и нелюди появились», – отметила Вера.

«Но, каким бы ты ни был, я все-таки твоя дочь, и я не намерена терпеть подобное унижение, – продолжал изливаться яд на лист бумаги. – Я думаю, именно на это ты и рассчитывал: на то, что тебе не придется марать руки. Что ж, к этому шло давно, и я хорошо подготовилась, отец! Читай же внимательно: я не задержусь в этой тюрьме ни на миг дольше того времени, которое потребуется, чтобы дописать это послание и проделать задуманное. Мы больше не обменяемся с тобой ни единым словом, никогда и никаким способом. Я достаточно знаю о тебе и твоем интересе к грязной магии, чтобы обезопасить себя с этой стороны…»

«Грязной? – удивилась Вера. – Может, я не так поняла? Обычно же говорят о темной или черной магии!»

Но нет, написано было вполне однозначно – «грязная», что бы это ни означало.

«Знай, что в тех краях, куда ты посылал меня в надежде больше не увидеть, я не теряла времени понапрасну. О, это было нелегко, но оттуда я привезла больше знаний, чем получила в Империи (а ты знаешь, что и здесь я училась прилежнее многих, вот только зачем, если все дороги для меня закрыты?). Я набралась там редких знаний, отец, таких, за которые ты, пожалуй, отдал бы свое звание и половину состояния. А может, и все без остатка – тебе не составило бы труда нажить новое, воспользовавшись тем, о чем в Империи не имеют даже смутного представления».

«А вот тут мы, кажется, подбираемся к черной магии», – подумала Вера.

«Ты всегда удивлялся свойствам моей памяти, – продолжала девушка, – и побуждал меня тренировать ее. Тогда я послушалась тебя, и не зря, признаю: я помню все до мельчайшей подробности, хотя не отказалась бы многое забыть. И вот, отец, я оставляю тебе свою прекрасную голову, доверху наполненную необычными знаниями, словно твоя библиотека – трудами лучших умов нашей и прошедших эпох. Только ее одну: я уничтожила все свои заметки, да их и было не так уж много. Владей, отец, храни ее, как величайшую драгоценность… и грызи локти от ярости – ты не сумеешь ею воспользоваться! Досадно, не так ли? Все твои умения, все грязные приемы бессильны там, где не к чему их применить!»

«Ничего не понимаю», – вздохнула Вера.

«Ты не сможешь вернуть мой дух, отец, даже если призовешь на помощь всех Предков. Думаю, они еще и посмеются над твоими тщетными стараниями, и поделом!

Тело мое обнаружат рано утром, когда служанка придет будить меня. Полагаю, тебе вернут его целым и невредимым… разве что немного использованным – видел бы ты, какими глазами смотрят на меня здешние никчемные мужчины! У них текут слюни, как у голодных гворров при виде куска мяса, так что, полагаю, они не устоят, а тебе скажут, что я согласилась на все сама. Так и есть: я согласна, потому что моему телу абсолютно все равно, что с ним сделают, и этим письмом я снимаю всяческую ответственность с тех, кто решится прикоснуться ко мне. Конечно же, они прочитают эти строки – я нарочно оставлю письмо на виду незапечатанным. Уничтожить его не выйдет – я постаралась. Ну а дальше… Дальше живи с этим как угодно, отец.

Можешь радоваться: ты все-таки добился своего – отчасти. Я больше не стану отравлять тебе жизнь, хоть и останусь грязным пятном на твоей безупречной репутации. Надеюсь, теперь-то тебе хватит мужества самому оборвать существование моей пустой оболочки? Или ты продлишь ее существование в надежде все-таки доискаться способа добраться до сокровищ моей памяти? Но что, если я солгала и там ничего нет? Подумай об этом!

Прощай, отец.

Ненавидящая тебя, вечная боль твоего сердца, Соль Вэра».

– Мне совсем не нравится этот сон, – едва слышно произнесла Вера, дав письму спланировать на постель и усевшись поудобнее.

Рука наткнулась на что-то маленькое, холодное, и она машинально подобрала это нечто – маленький флакон темного стекла. Он был пуст – Вера посмотрела на свет, – а запах показался смутно знакомым.

«Настойка олетты, – всплыло вдруг в голове, – смешанная с водой из мертвого озера и вытяжкой… Стоп, какой вытяжкой? Откуда я это взяла?»

Выходило, что ниоткуда. Само вспомнилось, стоило учуять запах. Какое там: Вера могла без запинки перечислить состав отравы, которую выпила из этого флакона Соль Вэра. И, главное, понимала, зачем та сделала это…

«Погоди, по порядку. – Она обеими руками взялась за гудящую голову. – Сперва ты ничего не понимала. Потом вдруг оказалось, что ты можешь читать… и откуда-то знаешь, из чего состряпана эта вонючая дрянь. И даже как она действует!»

– Ее память? – шепнула Вера. – Та самая, идеальная? А где она раньше-то была?

Здесь же, в голове, пришел ответ, стоило сосредоточиться и перестать паниковать. Просто, пока Соль Вэра не исчезла окончательно, не было возможности воспользоваться ее воспоминаниями.

Пришлось еще помучиться, разбираясь, что к чему, но в итоге Вера все-таки совладала с поистине колоссальным объемом совершенно чужеродных знаний, обрушившихся на нее в мгновение ока. Нужно не пытаться объять необъятное, иначе лавина информации грозит погрести под собой, а выбирать ответы на какие-то конкретные вопросы. Что ж, Вера всегда неплохо пользовалась поисковыми системами…

Гайяри Соль Вэра, дочь Правого полумесяца по имени Гайяри Ханна Соль, действительно сделала все, чтобы отец оказался бессилен вернуть ее, невзирая на все свои умения. Настойка олетты со всеми этими неудобоваримыми (и крайне редкими) примесями никак не вредила телу, она лишь отделяла от него дух. Ну а дух не может долго существовать сам по себе. Предки зовут его за собой, и он ступает на бесконечную дорогу, по которой до него ушли сотни и тысячи прародителей и с которой нельзя вернуться. Если, конечно, кто-нибудь достаточно умелый и сильный не призовет этот дух обратно.

И вот тут, как поняла Вера, и проходила тончайшая грань… Дух мог сам вернуться в тело, если то еще было живо. Если же это оказывалось слишком тяжело, но кто-то помогал ему

в этом нелегком деле, врачуя телесные раны и призывая дух обратно (аналог реаниматолога в обычном мире, решила она, только с расширенными возможностями), это считалось благим деянием. Но вот если физическая оболочка погибла окончательно и бесповоротно, звать дух назад не следовало… Однако соблазн был чрезвычайно велик. Сколько людей умерли внезапно, не успев завершить важного дела, не оставив ни распоряжений, ни записей… или же нарочно уничтожив их, как поступила мстительная и взбалмошная Соль Вэра!

Так вот, если дух еще не слишком далеко ушел по бесконечной дороге, его можно было вернуть, пускай и на время. Вот это-то мастерство и считалось грязным (хотя многие тайно прибегали к услугам подобных специалистов).

Конечно, удерживать бестелесный дух сложно, а расспрашивать и того сложнее, поэтому ему требовалось материальное вместилище. Кое-кому везло (тут Вера нервно усмехнулась), их могли вселить в тела лишенных разума людей, но на всех таких не напасешься. Приходилось заключать духов в… да хотя бы в предметы. И хорошо, если, узнав все интересующее, грязных дел мастер отпускал духа с миром! Но ведь мог и позабыть о нем, и нарочно оставить в таком состоянии… Да и самому ему ничего не стоило умереть в любой момент.

Соль Вэра интересовалась этим искусством не меньше, а может, и больше родного отца, а потому замыслила сложный план, учитывая многие нюансы. И, похоже, сумела его исполнить.

Тело, если одновременно мыслить в здешних понятиях и переводить на понятный Вере язык, – это просто вместилище, сосуд. Если угодно – девственно-чистый компьютер: ни данных, ни операционной системы…

Дух в этом случае – это личность человека и его память, весь накопленный за годы жизни опыт и умения. Именно поэтому его можно допросить даже после гибели физической оболочки: память остается при нем, будто в облачном хранилище. Ничто не исчезнет, пока сам дух не уйдет настолько далеко по бесконечной дороге, что растеряет воспоминания и позабудет даже свое имя.

Все это Соль Вэра прекрасно знала, а потому понимала, что отцу не составит труда вернуть ее и вселить хоть в деревянную лошадку. Она же не собиралась позволить ему распоряжаться собою даже после смерти, а потому затеяла почти невозможное: разделение духа на составляющие. Чтобы память осталась в мозгу еще живого тела, а вот личность – личность должна была исчезнуть. И тогда призывай дух, не призывай – толку не будет. Не обремененный памятью многих лет, он устремится по дороге Предков так быстро, что скоро исчезнет в немыслимой дали.

Возможно, займись Ханна Соль этим сразу же, он успел бы изловить дух дочери, но он был слишком далеко: от столицы до этой глуши не один день пути. С сообщением о случившемся наверняка бы затянули, гонец по такой непогоде добирался бы долго… Словом, к тому моменту, как Ханна Соль примчится сюда, время будет безнадежно упущено, и безутешный отец останется, фигурально выражаясь, с прекрасным, но совершенно бесполезным компьютером на руках. Да, он функционирует, данные хранятся где-то там, только добраться до них извне невозможно. Даже если подселить в это тело другой дух, воспоминания предыдущего владельца не станут ему доступны, так что устанавливай новую операционную систему, не устанавливай – все едино.

– Похоже, ты была редкой стервой, – шепотом произнесла Вера. – Сотворить такое… И чего ради? Отцу отомстить? Что он тебе такого сделал-то?

Ответа не было. Вернее, был, но слишком уж расплывчатый: похоже, личные воспоминания Соль Вэра унесла с собой, оставив только то, что касалось ее исследований. И ухитрилась ведь разделить и рассортировать!

– А я, значит, случайно инсталлировалась в это тело, когда дух Соль Вэры еще не отлетел, – пробормотала Вера, вспомнив, что чужое тело ощущалось, будто одежда не по размеру. Теперь вот село как родное, нигде не жало. – Почему, интересно?

«Боль твоего сердца», – вспомнились почему-то строки письма. Верно, покалывало у нее в сердце, но она привыкла не обращать внимания на такие мелочи, а врач-то говорил, что инфаркт год от года молодеет. Да, еще и сорока нет, ну так что ж?

«Должно быть, просто совпало, – решила Вера и обхватила себя руками – от таких мыслей сделалось зябко. – Она умерла здесь, а я – там. Но она сделала это слишком уж замысловато, а почему меня притянуло в ее тело… Да кто ж поймет! Может, Соль Вэра разобралась бы, что к чему, да ее теперь уже не дозовешься… Только у меня в голове все, что она успела узнать за целую жизнь, так что, может, и я дотумкаю, что это за сопряжение сфер такое произошло. Только это не первоочередная проблема! Раз уж я тут, придется изображать ее. Удачно, у нас даже имена похожи. Хуже, если б пришлось привыкать к какой-нибудь Галаратуниэли… Но я же не знаю, зачем ее сослали сюда! И вправду ли сослали? Или она присочинила? Что я должна была здесь делать? И, главное, как выкручиваться?..»

Идей не было, разве что изобразить амнезию, но это Веру не устраивало.

– Ладно, попробуем разобраться в процессе, – пробормотала она. – Раз она писала письма, значит, есть и другая корреспонденция. Если Соль Вэра ее не уничтожила вместе со своими заметками, конечно… Но что-то непременно должно найтись! Документы хотя бы, верительные грамоты…

Вера решительно встала: нужно было как следует поискать в шкафах, среди книг – вдруг найдется хоть что-нибудь полезное? Только вот темновато, мельком подумала она, еще люстру бы зажечь…

Рука будто сама собою сделала короткий жест – на мгновение полыхнули золотом нити татуировки, – и комнату залил ослепительный свет. Громадная люстра под потолком вспыхнула всеми огнями, и буря с молниями неожиданно превратилась в закат над морскими волнами, в которых резвились скаты.

– Вот это сервис, – сказала Вера, проморгавшись. – Я, значит, еще и колдовать теперь умею? А…

Закончить мысль она не успела – незнакомый мужской голос встревоженно позвал:

– Хозяйка! Хозяйка! Почему сделалось так светло? Вы раздумали умирать? Или вы в предсмертных корчах сшибли свечу и теперь огонь пожирает ваше прекрасное тело?

– Ты… ты где? – после паузы выговорила Вера.

– Где же мне быть? В темном углу, где вы определили мне место! Но, – добавил незнакомец, – вы занавесили меня своей кружевной сорочкой, и хоть я не отказался бы поглядеть на ее содержимое, сама она тоже очень даже ничего…

Вера огляделась – голос действительно шел из темного угла, где что-то светлело, – и решительно подошла поближе. Сдернув означенную сорочку (и еще с полдюжины тряпок разной степени прозрачности) с какого-то предмета, она с удивлением увидела зеркало – самое обычное зеркало в человеческий рост, в массивной оправе, на звериных лапах. Правда, оно ничего не отражало, но удивляться Вера уже устала.

– О! – Голос определенно доносился из зеркала. – О лучшем я и мечтать не мог, прекраснейшая из хозяек! Стан ваш подобен гибкой иве, кожа сияет золотом, а…

– А сосцы мои – как двойни молодой сабулаки? – хмуро закончила Вера. Слова «серна» в этом языке не нашлось.

– Какое сравнение! – восхитилось зеркало. – Это вы сами придумали или вычитали где-то?

– Придумала, – соврала она, решив, что вряд ли здесь кто-то слышал о «Песни песней», равно как и о многом другом. – Вот что, друг мой…

– Хозяйка назвала меня другом!

– Не перебивай! – рявкнула Вера. Ей не хотелось этого делать, но чувствовалось, что иначе зеркало не заткнуть. – Кстати, как тебя зовут?

– Вечером хозяйка изволила даровать мне имя Болван, – охотно сообщило оно. – Вчера я был Недоумком, позавчера я ехал в багаже, и обо мне говорили просто «клятое зеркало, раскокаем – госпожа нас убьет», а до того…

– Нормальное имя у тебя есть? – вклинилась она.

– Было когда-то, – с сомнением ответило зеркало. – Вы его позабыли, хозяйка?

– Разумеется, – фыркнула Вера, – неужели мне нечем больше занять голову? Напомни, будь любезен!

– До того как вы заключили меня в это стекло, я звался Трианом, – был ответ.

– И давно я тебя туда… отправила?

– Тому уж второй круг пошел, – подумав, сообщил Триан, а Вера вспомнила: кругом здесь называется двенадцатилетний цикл. – Удивительно даже, хозяйка, я думал, вы еще в первую неделю меня разобьете, ан нет…

– Если не умолкнешь, точно разобью, – для порядка пригрозила она. Из зеркала раздался смешок: видимо, такие угрозы были в порядке вещей. – Или того хуже: извлеку и прогоню прочь!

– И лишите меня счастья видеть вас, о хозяйка? – испугался Триан. – Вы же знаете, я не смогу задержаться подле вас, уйду по бесконечной дороге – и поминай, как звали! Вы-то уж точно не вспомните…

– Еще круг-другой, и я забуду, как мне вообще пришло в голову дать тебе это вместилище.

Звучало не слишком убедительно, особенно после утверждения Соль Вэры о том, что память ее безупречна, но, наверно, зеркало не посвящено в такие тонкости?

– Я расскажу, хозяйка, – с готовностью сказал Триан. – Когда вам будет угодно, в любую минуту!

– Сейчас, – решила Вера и села на пол напротив зеркала. Только теперь она вспомнила, что на ней полупрозрачный пеньюар, но махнула рукой: надо думать, Триан видел хозяйку и вовсе без одежды. – Мне не спится, мне скучно, мне не нравится это место, поэтому…

– Я развлеку вас рассказом, хозяйка! – обрадовался он. – И даже не стану ничего приукрашивать! Помню, что вы не любите, когда я слишком много сочиняю.

– И когда чересчур много болтаешь – тоже, – хмыкнула Вера.

Похоже, она выбрала верный тон для разговора с зеркалом. А оно, глядишь, расскажет что-нибудь важное.

– Я буду краток! – заверил Триан и умолк, изображая, видимо, театральную паузу.

Вера же накрепко запретила себе думать о том, что случилось с ней настоящей там, дома. Как бы то ни было, волноваться о ней некому – двоюродная сестра живет за тридевять земель, пишет раз в полгода. А кот…

«Как же Тихон?!» – испугалась она, но тут же вспомнила, зачем вставала среди ночи: Тишка ушел гулять, а затворить за собой форточку, конечно, не мог. Значит, не пропадет: рыжий кот попал к Вере уже взрослым да так и остался наполовину уличным. Приходил и уходил, когда хотел. Иногда пропадал так надолго, что хозяйка уже и не думала снова увидеть его живым, ан нет, Тихон возвращался, забирался на карниз, скребся в окно, чтобы впустила… Его и соседка приютит, он к ней тоже время от времени заходил в гости. Ну а раз так, то переживать не о ком. О работе разве что, но думать о грядущей министерской проверке в такой обстановке никак не получалось. Да и без нее справятся, не самый незаменимый специалист…

Глава 3

– Вы слушаете, хозяйка? – позвал Триан, оторвав ее от раздумий. – Если коротко, там и рассказывать особенно не о чем. Дело было круг с лишком тому назад в Тинувере, где вы оказались проездом в…

– В Таговер.

– Я, между прочим, тоже не люблю, когда меня перебивают, – проворчал рассказчик. – Ну да ладно. В Тинувере, как вы наверняка помните, почти так же гнусно, как в этой вот дыре. Я, правда, еще не осмотрел ее сверху донизу, но того, что успел увидеть, хватило, клянусь!

– Как это ты ухитрился? – нахмурилась Вера.

– Вы же сразу по приезде приказали мне присоединиться к замковым зеркалам, – напомнил Триан. – Ну да немудрено запамятовать, вы же помирать собирались…

– Точно разобью!

Она подобрала подвернувшуюся под руку комнатную туфлю и выразительно замахнулась.

– Молчу, молчу, хозяйка!

– Лучше рассказывай по делу, обещал же не отвлекаться. Хотя нет, стой, – сама себя перебила Вера. – Что там с этим… присоединением?

– Пока ничего интересного, – заверил Триан. – Зеркала вроде моего есть только у главного неудачника в этом замке…

– О ком ты?

– О ректоре, хозяйка, о ком же еще? Неужто при виде его кислой физиономии вы способны поверить, будто он наслаждается своим делом?

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Вера, хотя не могла припомнить, как выглядит этот самый ректор. Очевидно, Соль Вэра познакомилась с ним так недавно, что не сочла это воспоминание хоть сколько-нибудь важным. – Но, может быть, у него просто желудок больной?

– Уж конечно, у мастера-травника непременно будет больной желудок, – язвительно ответил Триан.

– Переборщил с придонником, вот тебе и язва, – не осталась она в долгу.

Пришлось лихорадочно зарыться в «библиотеку», но это теперь придется делать постоянно, так что лучше уж привыкнуть заранее.

– Возможно, и так. Звания частенько ничего не значат, а о его истинном мастерстве не мне судить, хозяйка, – согласился Триан. – Так вот, с его зеркалом я связался сразу же. Еще парочка имеется в учительских покоях, но хозяева пока не одобрили нашей связи. Может, еще и не слышали о вашем приезде, а может, попросту боятся: вдруг вы их и через зеркало проклясть сможете?

– Запросто, – усмехнулась Вера, сделав очередную мысленную пометку. – Что, и это все?

– Нет, еще у учеников есть, но к тем я и соваться не стал, потому как даже такое существование мне дорого.

– В смысле?

– Ну так это же шиарлийские зеркала! – возопил Триан. – Что, если они решат, будто мы шпионить станем? Нет, хозяйка, если вы с их хозяевами сами договоритесь, так я всегда рад, но сам не полезу, и не просите… С зеркалами подземников тоже, кстати, не хочу дела иметь. Их, вдобавок, пока дозовешься, от натуги треснуть можно… Ну да что с них взять, с бронзовых?

– С этим мы позже разберемся. А ректор, значит, на связи?

– А как же. Уже пытался убедить меня показать вашу спаленку, хозяйка. Ну и вас, ясное дело… Но шиш ему, ничегошеньки он не увидит, даже если золотую оправу в бриллиантах мне посулит, – гордо сказал Триан.

– Какая безвкусица… – поморщилась Вера, занеся в мысленный список ректора-вуайериста. – Вдобавок такая оправа выйдет тяжелой и непрочной.

– Именно так я и рассуждаю, хозяйка! – обрадовался он. – С моей-то, конечно, позолота давно облезла, зато лапы устойчивые. Ну да что с него взять? Ему даже невдомек, что я не обычное зеркало, а очень даже… хм-хм… душевное.

– А ты и рад стараться… Кстати, чем он объяснил желание на меня посмотреть?

– Разве тут нужны объяснения? – поразился Триан. – Но в целом… Сказал, желает взглянуть, как гостья расположилась после долгой дороги, удобно ли устроилась. А я заявил, что без вашего приказа, хозяйка, показать ничего не могу. Только вас позвать, но лучше этого не делать, потому как вы спросонок дюже злы бываете…

– Молодец, – искренне сказала Вера. – Здесь, значит, ты еще не все рассмотрел?

– Говорю же, хозяйка, зеркал вроде меня здесь мало, да и обычных не так чтоб много. Где удалось побывать, там удалось. Прямо скажу, не императорский дворец!

– Это и так ясно, а конкретнее?

– Обычный приграничный замок, каких мы десятки повидали, – ответил Триан. – Разве что вместо чад с домочадцами эти вот все… ученики. Ну и прислуга, куда ж без нее? Немного, правда.

– А охрана? – зачем-то спросила Вера.

– Насчет этого ничего сказать не могу, хозяйка. Если кто и есть, то снаружи. Это вам виднее: меня укутанным везли, я даже не слыхал ничего! А вы бежать собрались?

– Пока нет, – вздохнула она. – Только что приехали, надо хоть дух перевести… А теперь вернись-ка к своей истории, а то до полудня ведь не закончишь!

– Как прикажете, хозяйка, – отозвался Триан. – Стало быть, в Тинувере я тоже был проездом, если это можно так назвать: на своих двоих шагал. И как раз в Таговер – там на ярмарке шестой недели всегда подзаработать можно.

«Так, не запутайся в здешнем календаре, – сказала себе Вера. – В неделе шесть дней, в месяце шесть недель, в году – о чудо! – двенадцать месяцев. Год у них, выходит, длиннее нашего? Не поймешь, сравнивать не с чем… А, это как раз не важно!»

Триан, получалось, говорил о ежемесячной ярмарке. Были побольше, раз в три месяца, еще крупнее – раз в полгода, но не о них речь.

– Работник из тебя… – вздохнула она. – Только языком молоть и горазд.

– Ну так за то мне и платили, – ответил Триан. – Я всяких небылиц столько знаю, что если каждую в золотой превратить, столько на себе и не унесу. Да что там – и на двуконной телеге не свезу! Еще петь могу, но это лучше когда все уже упьются: тогда похабные песенки хорошо идут, а за то, что фальшивлю, бить не станут. Ну и плясал когда-то недурно…

– И, конечно, в Тинувере мы не могли не встретиться, – перебила Вера.

– О да, хозяйка! – из зеркала донесся смешок. – Брел я, стало быть, по обочине – по дороге не пройти было: такую грязь развезло, что в колее хоть топись… И вдруг откуда ни возьмись вылетает карета, а за ней вторая, обе угвазданы по самую крышу, и лошади тоже, а уж на что возницы похожи, лучше и не представлять! Останавливаются они возле постоялого двора, а я тут как тут: думаю, вдруг пригожусь? Кареты резные, золоченые, такие отмывать – мука! А здешние и так с ног сбиваются перед ярмаркой. Значит, лишние руки наверняка пригодятся, вот я малость и заработаю…

– И что дальше? – подбодрила Вера.

– Что-что… Дверца первой кареты открывается, и выходите вы, хозяйка, – Триан протяжно вздохнул. – Я такой красоты вельможной сроду не видывал, так что дара речи лишился и стоял, будто столб придорожный.

– Почему сразу вельможной-то?

– А будто я герб на дверце даже под грязью не разглядел, – фыркнул он. – Да и по вам сразу видать, что вы из старой знати. Такие лица только у них и бывают.

– Какие это – такие? – насторожилась Вера.

– Ну… – Будь Триан человеком, он наверняка почесал бы в затылке или пожал плечами. Увы, зеркало не могло даже притопнуть львиной лапой. – Необычные. Красивых много, среди Созвездия я и покрасивее потом девиц видал, уж простите, хозяйка… Да только таких, как вы, издали заметишь! Что вас, что сестер ваших с братьями, что отца… Ой. Ой… Я не хотел, хозяйка!..

– Продолжай, – велела она как могла более зловеще. – Увидел ты мою красоту неземную, а потом что?

– Вы, хозяйка, огляделись, посмотрели, во что кареты превратились, плюнули себе под ноги и рукой махнули. Я даже глаза протер: все блестит, ни грязинки, ни пылинки, у лошадей гривы волосок к волоску…

– Пропал твой заработок?

– Ага, я так и подумал. Потом сообразил: когда еще колдунью встретишь? Да и пошел с вами знакомиться.

– Ну ты и нахал! – покачала головой Вера.

– Нахал, не нахал, однако же вы меня с ходу в жабу не превратили, – ответил Триан, – потому как вел я себя со всем обхождением и на си… в вырез вам не пялился. Старался, во всяком случае.

– Зачем же я тебе понадобилась?

– Как это зачем, хозяйка? Я же сказал: сразу герб узнал, это раз. А два – вся Империя знает, что дочь Правого полумесяца – знаменитая колдунья, которая уже полмира объездила и другую объездит, потому как до знаний очень уж охоча.

– Вот, значит, как это преподносилось… – протянула Вера.

– Ну да, и я вашего батюшку очень даже понимаю, хозяйка, – осмелел Триан, – потому как на одном месте вы со скуки взбеситесь, а чего тогда натворите, я даже представлять не хочу! А так попутешествовали, развеялись, новое что-нибудь узнали – и хорошо. Не так, что ли?

«Понятно, Ханна Соль направлял энергию дочери в мирное русло, как умел, – подумала она. – А ей это казалось попытками сослать ее с глаз долой. Впрочем, одно другому не мешает».

– Вот я и подумал: вдруг благородной госпоже скучно в этом захолустье? Вдруг она не прогонит простого бродягу-сказочника и угостит ужином? Вдруг даже сама что-нибудь расскажет о своих странствиях?

– Так есть хочется, что переночевать негде? А переспать тебе с собой не завернуть? – не выдержала Вера.

– Вот-вот, именно так вы и ответили, хозяйка, когда я попытался к вам подобраться, – вздохнул Триан. – Только… гхм… чуточку грубее. Я даже покраснел, а такого, скажу я вам, со мной с детских лет не случалось. Но уверил, что не возражаю…

– Бедняга, как же ты жив остался? – искренне спросила она.

– Сам не знаю, не иначе, чудом… Вы наутро сказали, хозяйка, что давно не встречали такой потрясающей наглости вкупе с полным отсутствием чувства самосохранения.

– Вот как… – протянула Вера. Похоже, покойная Соль Вэра не гнушалась простых радостей жизни.

– Да, хозяйка, это была лучшая ночь в моей жизни, – печально произнес Триан. – И последняя, что характерно. На следующий день я увязался за вами в Таговер, и вот по пути-то все и случилось…

– Верно… Помню.

Действительно, это нашлось в воспоминаниях Соль Вэры: веселый сказочник чем-то ей приглянулся, так почему не приветить его ненадолго? После Таговера их дороги разошлись бы

раз и навсегда, если бы не случайность: кто-то прознал о том, куда направляется дочь Правого полумесяца – почти без охраны, – и решил попытаться захватить ее. А может, и убить. Соль Вэра так и не поняла, а разбирательства не было – сама же и отказалась.

Сперва они приняли перегородивших дорогу за обычных грабителей, и Соль Вэра посмеялась – они что, ослепли? Не видят герба на каретах?

Это и крикнул им Триан, распахнув дверцу и высунувшись наружу. И полетел с подножки в подсохшую грязь, когда стрела пробила ему горло. Рядом упал возница, наконец-то спохватилась охрана…

Конечно, с нападавшими был маг, и довольно сильный, но продержался он недолго: Соль Вэра попросту взбесилась. Не из-за Триана – он был ей никем, обычный попутчик, не первый и не последний в ее странствиях, – а от наглости напавших. Покуситься на саму Соль Вэру было намного безопаснее, чем на то, что она посчитала своим, пускай и временно.

Ее люди не пострадали, а от встречного отряда осталась только здоровенная яма посреди дороги. Ну как посреди – шагов на сто в любую сторону, целая пропасть. Потом туда вода набралась, озерцо получилось, а дорогу пришлось в обход пустить.

Власти, конечно, заинтересовались этим инцидентом, но дочь Правого полумесяца, живые свидетели, поклявшиеся в том, что неизвестные напали первыми, без предупреждения, ненавязчивый совет из столицы не заострять внимания на такой ерунде… Соль Вэру и не думали задерживать, и она вскоре покинула Таговер. В багаже теперь ехало большое старинное зеркало в оправе с львиными лапами – она увидела его в доме городского головы, а тот не сумел отказать гостье в скромном сувенире.

– Интересно, почему именно зеркало? – подумала Вера вслух. – И почему именно большое? Неудобно же с собой возить.

– Так это я попросил, когда вы меня позвали обратно, хозяйка, – пояснил Триан. – Подходящего человека поблизости не оказалось, а вселяться в какой-нибудь перстень не хотелось, вы его и потерять можете. Вечно у вас все раскидано! Так вот закатится под кровать, а вы и не вспомните… Зеркало же предмет массивный, заметный, о нем позабыть сложнее. Опять же польза от него имеется – оно ведь не простое, связное, а уж со мной заодно так и вовсе находка! Обычное связное само никуда не проникнет и не рассмотрит, что вам нужно.

– Верно…

Больше двенадцати лет это зеркало с нею, вот как! И подходящие люди попадались в странствиях, можно было переселить дух Триана в кого-нибудь, но… Он сам отказывался наотрез: запомнил себя пусть не красавцем, но парнем симпатичным, и оказаться в теле похуже не желал. А в женском – тем более! Другие не нравились Соль Вэре – то слишком стар, то увечен. Идея же изгнать из приглянувшегося тела дух при помощи настойки олетты не нравилась обоим.

Может, она хотела искупить вину перед Трианом и вернуть ему полноценную жизнь? Или настолько привыкла к говорливому зеркалу, что уже начала забывать – когда-то обитающий в нем дух был обычным человеком?

– Опять же в этом зеркале я вас во весь рост видеть могу, – сказал Триан, прервав печальное течение Вериных мыслей. – Плотские радости мне недоступны, ну да ничего, у меня воображение богатое…

– Хорошо, что я тебя заколдовала как следует, – сказала Вера. – Иначе бы точно разбила!

– Погодите, хозяйка, так я что… небьющийся? – восхитился он. – И вы об этом молчали? Постоянно угрожали меня грохнуть? Выкинуть в окно? Швырнуть в меня подсвечником?

– Если я по-настоящему захочу тебя расколотить, собственное заклятие мне не помешает, – ответила она, встала и потянулась. – Что ж… Который час?

– Да уж рассвет скоро, – отозвался Триан. – Неужто сами не чуете?

– Чую, – ответила Вера, прислушавшись к себе. – Просто намекаю, что устала от болтовни и намерена отдохнуть, ясно тебе?

– Конечно, хозяйка, – смиренно ответил он. – Можете даже занавесить меня, как клетку с певчей птицей. Я от этого, правда, не усну и не умолкну, но…

Она повесила на зеркало свой пеньюар: все равно требовалось одеться. Ложиться досыпать не было смысла. К тому же о многом следовало поразмыслить.

– О, хозяйка… – мечтательно протянул Триан из-под цветастой ткани. – Мир заиграл новыми красками…

Кстати, о красках: с этими расцветками тоже нужно что-то сделать. Бунтарка Соль Вэра могла самовыражаться как угодно, но Вера не собиралась носить ее вырвиглазные наряды!

– Хозяйка, – негромко сказал Триан из своего угла, – я ничего не забыл.

– О чем ты?

– Вы же меня каждый год заставляете эту историю пересказывать, и чем дальше, тем чаще и чаще. Ну так я хорошо ее помню. Дорога Предков зовет, конечно, да только я не хочу все бросать и… туда.

Вера сглотнула: точно, если Соль Вэра добровольно рассталась с памятью, чтобы поскорее уйти по бесконечной дороге, то и этот дух, забыв о прошлом, сможет покинуть вместилище и присоединиться к предкам.

– Хорошо, – сказала она наконец, – что память тебя не подводит.

– Сказочнику без этого никуда, – был ответ. – Если я легенды перепутаю и принцессу не с тем рыцарем окручу, слушатели мне бока намнут и будут правы!

Глава 4

Что сейчас было самым важным? Поразмыслив, Вера решила: первым делом нужно попытаться выудить из памяти сохранившиеся остатки информации о личности Соль Вэры, без этого придется тяжело. Можно, конечно, зеркало порасспрашивать, оно рядом много лет… Вот только Триан вовсе не похож на деревенского дурачка и заподозрит неладное, если хозяйка начнет уточнять у него собственные привычки. Придется выкручиваться самой.

Что могут знать здесь… кстати, где – здесь? Триан упомянул ректора, учителей и учеников. Логично предположить, что это некое учебное заведение, в котором каким-то чудом собрали враждебных друг к другу инородцев.

Люди крайне плохо ладят с подземниками, узнала Вера, но вынужденно терпят друг друга: первым требуются хорошие мастера, а вторым – провиант и многое другое из того, что в их родных пещерах не водится. Шиарли не переносят ни тех, ни других, пользуясь при этом полной взаимностью. Правда, с людьми они еще кое-как контактируют, опять-таки вынужденно, из-за общих границ и пересекающихся интересов в приграничном регионе.

Справедливости ради, шиарли и друг другу испокон веков резали глотки, поэтому собрать вместе представителей враждующих кланов было очень скверной идеей! Добавить к ним других инородцев – и в любой момент жди беды.

Но, может, на территории этого замка действует перемирие? Вряд ли, рассудила Вера, оно долго не продержится: шиарли запросто могут убить за косой взгляд в свою сторону, подземники долго терпят, но если уж заведутся – не остановишь. А люди – это люди, они всегда повод найдут!

Значит, это что-то иное. Возможно, серьезная клятва, решила Вера, сверившись с воспоминаниями. Но что заставило всех этих, с позволения сказать, учеников дать подобную клятву? И кто вообще затеял такой эксперимент? С какой целью?

К сожалению, Соль Вэра была так обижена на отца, что не поинтересовалась заранее деталями. Должно быть, ей хватило малого: уединенный замок в горах, всевозможные инородцы… В этой компании только неуравновешенной молодой ведьмы не хватало!

«И правда, – подумала Вера, – она вела себя как подросток. Причем подросток избалованный. Но сколько же ей лет на самом деле? Выглядит совсем молодо, но это упоминание о долгих странствиях, все эти ее изыскания, похождения… Триан, наконец!»

И татуировка, сообразила, вернее, вспомнила она. То есть это только выглядит татуировкой, а видеть ее может лишь владелица и те, кому она позволит. И еще – более сильные маги, но против любителей без спросу поглазеть на чужой рисунок силы имеются средства… Да, именно так – Вера подняла руку и полюбовалась хитросплетением тонких линий – отображается мастерство мага, количество развитых им умений, их взаимосвязь. По рисунку же можно вычислить и слабые места, а потому нет любителей демонстрировать его кому попало.

Судя по украшениям Соль Вэры, сила в этом теле таилась немалая и явно еще не развитая до конца. Впрочем, владелица отчаянно стремилась к совершенству, покоряя все новые вершины знания – рисунок прирастал сложно сплетенными линиями, занимал большую часть поверхности тела, и если бы так пошло и дальше, вскоре Соль Вэра оказалась бы покрыта этой вязью от пяток до кончика носа.

«Интересно, чему тут учат? – невольно подумала Вера. – Если уж она пишет отцу, мол, в Империи учиться больше нечему, то что ей могли предложить здесь?»

На ум приходили только курсы самоконтроля и медитация, но представить это место обителью монахов вроде тибетских не получалось. Но все-таки отец сказал Соль Вэре, что здесь мирно уживаются самые разные создания, так не этого ли он желал для нее?

– Может, дело в этом, а может, есть и что-то еще, – пробормотала она и позвала: – Триан! Ты не видел, случайно, куда я подевала документы?

– По-моему, вы их и не доставали, хозяйка, – тут же отозвалось зеркало. – Только тряпки расшвыряли, искали это вот дивное одеяние, да и все. Вы же умирать собрались, зачем вам документы? Кстати, я уже говорил и еще раз скажу – это было жестоко с вашей стороны!

– Почему это?

– Могли бы освободить меня перед тем, как принимать яд, а не оставлять страдать в одиночестве!

– А если бы мой план не сработал? – тут же придумала Вера. – Как, собственно, и произошло? Где бы я тебя искать стала?

– Я бы никуда не делся, – клятвенно заверил Триан, – пока не убедился бы, что ваш дух мирно отлетел. А тогда мы вместе отправились бы по дороге без возврата… Правда романтично?

– До отвращения. Надеюсь, ты не намерен сочинить какую-нибудь легенду по этим мотивам?

– Уже готова, хозяйка! Хотите, расскажу?

– В другой раз, – вздохнула Вера.

Да уж, поди пойми мотивы Соль Вэры! С одной стороны, она придумала и подготовила сложную операцию, которая прошла бы без сучка без задоринки, если бы не случайное вмешательство Веры, с другой – действовала под влиянием момента. Так и виделось, как всю долгую дорогу до этого замка Соль Вэра растравляла обиду, чтобы вечером, заперевшись в спальне, раскинуться на роскошном ложе и принять яд! Наверняка еще предвкушала, как будет лежать недвижимо, такая молодая и красивая, среди царящей вокруг паники, а потом безутешный отец склоняется над нею и тщетно молит о прощении… Еще и про надругательство над телом ввернула ради вящего драматизма. Не иначе у Триана нахваталась…

Ну разве тянет это на поведение взрослой разумной женщины? Нет, они тоже бывают разными, но Вера, от природы даже слишком рассудительная и спокойная, таких порывов не понимала.

«Мне нужны документы, – подумала она. – Где они могут быть? В чемоданах, сундуках? Ни одного не вижу. Их уже убрали, что ли? Ну же, вспоминай! Где мои до…»

В руку будто сама собой толкнулась шершавая папка, и Вера машинально погладила ее. Удобно все-таки быть ведьмой… Еще бы понять, как это вышло!

Но на этом Вера решила сосредоточиться позже, а пока раскрыла папку и порадовалась – там было именно то, что она рассчитывала увидеть! Вот эти бумаги с внушительного вида печатями и гербами здесь в ходу вместо паспортов, вместо фотографии – словесное описание… А где дата рождения-то указана?

Наконец Вера нашла искомое, вспомнила, какой теперь год, посчитала… и не поверила сама себе. Не могло такого быть! Может, вкралась какая-то ошибка? Но… вот другие документы. Лист выпускной аттестации Гайяри Соль Вэры в Императорском корпусе – ей было на тот момент двадцать с небольшим. Еще один – из школы в соседней стране. И еще, и еще… Похвальные грамоты, всевозможные благодарственные письма – десятки, если не сотни!

Нет, никакой ошибки, поняла Вера, перебрав бумаги. Соль Вэра в самом деле недавно разменяла шестнадцатый десяток. А вот теперь понять бы: это вообще нормально для местных обитателей или не слишком? Даже если представить, что здешний год вдвое короче земного, то все равно…

Чтобы разобраться, пришлось снова обратиться к воспоминаниям и как следует в них покопаться: эту информацию Соль Вэра убрала подальше, как не имеющую особого значения. В самом деле, зачем держать на виду что-то само собой разумеющееся?

Для Веры, однако, это стало откровением. Да, представители старой знати, к числу которых принадлежало семейство Гайяри, действительно жили значительно дольше обычных людей. Объяснялось это как наследием неведомых Предков, от которых давно и памяти не осталось (она распространялась только на сорок семь поколений в случае рода Гайяри и пятьдесят два – в императорском роду), так и наличием способностей к магии. Простые волшебники тоже жили долго, а учитывая, что и для обычных людей сотня лет жизни не считалась чем-то запредельным, то…

«Я угадала, – сказала себе Вера. – Она была подростком. Вырасти-то выросла, выучилась всему, чему только смогла, а в душе так и не повзрослела… И этими вот своими подвигами, грамотами словно пыталась доказать что-то отцу. Но что именно? Свою одаренность? В ней и так никто не сомневался! Значит, тут другое!»

Увы, что именно, она понять не могла: эту часть воспоминаний Соль Вэра унесла с собой. Должно быть, чтобы без сожалений бросить на дороге предков, где память превращается в пыль под чужими ногами…

А с оставшимися воспоминаниями было не так-то просто совладать: все равно что рыться в чужой библиотеке, где книги расставлены по непонятному принципу, а каталог отсутствует как факт. На одной полке могут мирно уживаться энциклопедия ядов и справочник по этикету, список древнейших родов Империи и трактат по грязной магии… И за что хвататься в первую очередь? Как понять, что может понадобиться в ближайший момент?

Вера подержалась за голову и решила, что этикет пригодится точно. Даже в ее небольшом коллективе по малейшим нюансам в обращении всегда можно было понять, кто к кому и как относится. Это касалось и начальства, и коллег, и сторонних людей…

А если уж подобное действует в современном мире, то в этом, довольно-таки архаичном, с точки зрения Веры, этикет должен играть огромную роль. Она же – то есть Соль Вэра, вымуштрованная и в семье, и при дворе, – должна отменно разбираться во всех тонкостях и не упускать их из виду. Для начала нужно понять, как здесь к ней относятся, кем видят: обычной знатной гостьей, ненадолго удалившейся от света, или опальной особой, сосланной в глушь и всеми забытой? От этого многое зависит… Придется держать ухо востро и подмечать, верно ли к ней обратились, подчеркнуто официальны или, напротив, балансируют на грани недопустимого? И самой не совершать оплошностей!

Конечно, о прекрасном характере Соль Вэры и ее добром нраве здесь наверняка наслышаны. Не мог же Ханна Соль отправить сюда дочь, не предупредив, что она собой представляет? Впрочем, слава ее наверняка докатилась и в такую глушь: Триан ведь упомянул о том, что учителя, возможно, ее опасаются…

Так или иначе, общеизвестная эксцентричность Соль Вэры может сыграть на руку, главное, не перегибать палку. Сильно злить ее не рискнут, мелкие уколы можно поначалу не замечать. Ну а происхождение – это серьезный козырь, вряд ли дочери Правого полумесяца что-то угрожает.

«Если, конечно, Соль Вэра не угадала и он не отправил ее сюда с билетом в один конец, – мрачно подумала Вера. – Но, может, все не так плохо? Ох, нет-нет, ожидать нужно самого худшего, тогда будет повод обрадоваться, если ошибешься!»

Вера вернулась мыслями к старой знати: нужно же разобраться, из какой семьи происходишь, как связана с другими, чем это может грозить… и тут ее поджидало такое открытие, что она стала намного лучше понимать Соль Вэру.

В семье Гайяри, как и во многих других, принято было давать детям имена со значением – на полузабытом языке Предков, который только старая знать и использовала. Сперва фамилия (если переводить на привычный Вере язык), затем имя по отцу, а последним ставится личное имя.

Гайяри Ханна Соль – красиво звучит! И имя сыну родители выбрали непростое: Соль означает вовсе не «солнце», как думала Вера, а «сердце», Ханна же – «огонь». Вот и думай, что имелось в виду: должен ли человек с огненным сердцем вести за собой других или же это предостережение? Дескать, не иди на поводу у чувств, пожар в груди до добра не доведет! Похоже, ему подходило и то и другое: Ханна Соль достиг немалых высот, к нему прислушивался сам Император, а многие без раздумья отдали бы за него свои жизни…

Семья у него была многим на зависть: любящая жена, Мида Аль, «добрый дух», сыновья – Соль Гарта и Соль Дарга, «гордость» и «храбрость», красавицы дочери – Соль Диа и Соль Кьяра, «нежность» и «радость». И последняя, шестая, Вэра. На древнем языке это слово означает «боль».

Боль его сердца. Вот, значит, что имела в виду девушка…

– О чем он думал вообще? – прошептала Вера, пытаясь доискаться, с чего вдруг Ханна Солю пришла в голову такая странная фантазия.

Нашла, конечно: Мида Аль умерла родами. Что-то там пошло настолько скверно, что ни лучшие лекари, ни волшебники – а Ханна Соль и сам был магом не из последних – не сумели удержать ее дух в бренной оболочке.

И, похоже, Соль Вэра считала, что отец винит в смерти супруги именно ее…

Так ли это было на самом деле? Невозможно понять, слишком мало она оставила не сухих биографических сведений, а своих чувств и эмоций, своего отношения к отцу! Почему она вообще решила именно так? Может, все дело лишь в том, что каждый взгляд на дочь будил боль в сердце отца? Не настолько же он глуп, чтобы в самом деле обвинять новорожденного ребенка в гибели матери, если уж лучшие из лучших оказались бессильны спасти ее!

«Должно быть что-то еще, – в который раз повторила Вера. – Знание об этом она утащила с собой, я уверена. То, над чем она не властна… В детстве отец говорил ей, что это не имеет значения, но ведь лгал, наверняка лгал, чтобы утешить! И речь не о гибели ее матери… Ну и подкинула ты мне задачку, Соль Вэра! Но я разберусь, не сомневайся… Это нечто ведь наверняка осталось при мне, в смысле при твоем теле? Вот как проявится, так и пойму. Главное, чтобы я оборотнем не оказалась, то-то будет номер!»

Какая постыдная тайна может найтись у девушки из благородного семейства? Воспитана она была отменно, а что порой шалила – ну так другие девицы из Созвездия (Вера поняла правильно, так именовались придворные ближнего круга) не отставали. Развлекалась неподобающим образом? С тем же Трианом, к примеру… Опять же большого значения подобному при дворе не придавали (если не оскандалиться каким-нибудь вовсе уж феерическим образом), а о безопасности своей Соль Вэра заботилась, так что Ханна Соль мог не опасаться обнаружить дочь на пороге с младенцем в подоле.

Может, с даром своим обращалась слишком вольно? И снова нет – вон ворох бумаг говорит сам за себя, почти везде отмечено: Соль Вэра отличается исключительным самоконтролем, необычным для такой юной особы.

«А как это коррелирует с ее выходкой на дороге? После гибели Триана? – спросила себя Вера, но ответа, конечно, не нашла. – Ладно, будем считать, то была направленная вспышка гнева. Ее свита не пострадала, только лошади напугались. Опять мимо!»

Эксперименты с грязной магией? Ну так Ханна Соль тоже этим занимается, однако никто его из императорского дворца поганой метлой не гонит. Пока все шито-крыто, можно считать это мелочью, не заслуживающей внимания. При необходимости, конечно, такое могут вытряхнуть на свет, и доказательства сразу найдутся, и осудят негодяя по всей строгости…

Стоп. А не в этом ли дело?

Вера снова схватилась за голову, стараясь не упустить мысль.

«Ханна Соль старался держать дочь как можно дальше от столицы, – думала она. – И так было не всегда. Чего он опасался? Только ли ее взбалмошности? Того, что она может ском-

прометировать благородное семейство? Ох, не верится… Так, может, он вовсе не за себя волновался-то, а за эту бестолковую? Ведь хотели на нее напасть тогда, двенадцать с лишком лет назад, а она даже разбираться не стала, рукой махнула… Может, и отцу ничего не сказала, ему после донесли. Наверно, и еще что-то происходило… да только мне этого не узнать!»

– Триан, – снова позвала она.

– Что, хозяйка? Вы же отдыхать собирались, разве нет?

– Не спится, – вздохнула Вера. – А не припомнишь ли ты, сколько всего раз на меня покушались за то время, что ты со мной путешествуешь?

– С какой целью, хозяйка?

– То есть?

– Я имею в виду, юбку вам хотели задрать или еще что-нибудь сотворить? – уточнил Триан.

– Второе.

– Раз пять, не меньше, – подумав, ответил он. – Про первое – этого вообще бессчетно, потому как не надо вываливать… я хотел сказать, вырез до пупа носить, а то и каменный истукан соблазнится!

– А что именно со мной хотели сделать? Ограбить?

– Да нет, грабителей я тоже не считал, – сознался Триан. – Смысла нет. Вы бровью повели – они уже в кустах. Ну или в речке, или на деревьях, это уж какое у вас настроение будет. Если повеселиться желаете, то жалко грабителей, а если вы не в духе – тогда вы их не больно убьете.

– Шуточки у тебя…

– Какие шуточки, хозяйка! Пляшущие разбойники из Марри на всю Империю прославились, забыли? Они ведь до самой столицы дотанцевали, ни на минуточку не останавливаясь, хотели Императору в ноги пасть, чтобы он приказал их расколдовать, а потом уж хоть вешал, хоть в рудники отправлял… Но не смогли, потому как плясали.

– Эк я их… сгоряча-то, – неуверенно произнесла Вера.

– Это вы как раз не сгоряча, – заверил Триан. – Серьезно вы их прокляли, с чувством, да так, чтобы не померли раньше времени.

– Какого еще времени?

– Ну будет вам меня проверять, хозяйка! – обиделся он. – У их проклятия условие простое: если они вас найдут и сумеют вымолить прощение, вы, так и быть, их расколдуете. Все по-честному, да только где ж им за вами угнаться-то!

– Правда помнишь, – похвалила она. – А они до сих пор живы, говорят?

– Ну да. Император только посмеялся и не велел их казнить. Пускай, сказал, другие любители протянуть руки к чужому добру на них смотрят да как следует думают, прежде чем что-то сделать.

– Точно! – Вера докопалась наконец до этого незначительного воспоминания. – Неплохо устроились, мерзавцы, в императорском-то саду развлечений!

– Ага, в точности рядом с болотным носохватом. Помните, который еще Левому полумесяцу чуть не бочку грязи на голову вылил?

– Врешь, – уверенно сказала она. – Не было такого. Ты мне это брось, Триан!

– Ну уж и пошутить нельзя… – пробурчало зеркало и умолкло.

«Да уж, чувство юмора у Соль Вэры имелось… – мрачно подумала Вера. – Но ужасное. Хотя, возможно, в здешних краях такое в порядке вещей? Пляшущие разбойники, надо же!»

– Ты не договорил, – напомнила она. – Что там с покушениями на меня?

– Они были, – лаконично ответил Триан, – но в подробности вы меня, хозяйка, не посвящали. Знаю только, что напасть старались непременно по дороге. Нет бы на постоялом дворе подкараулить, пока вы дрыхнете, или красавчика какого к вам подослать, чтобы подпоил…

– Чтобы меня напоить, бочки не хватит, а красавчика заранее жаль, как тех разбойников, – усмехнулась Вера. – А без охранных заклятий я спать не ложусь, сам знаешь.

– Ну вот, стало быть, и выходит, что подобраться к вам можно только за городом. Ну или в толпе. Но вы редко просто так где-то бродите.

– И уж тем более не лезу в давку…

– Ага. И тех самых охранных заклятий на вас, если уж погулять идете, навешано больше, чем на собаке репьев. Опять же, в толпе действовать неудобно.

– Ты намекаешь на возможные жертвы среди ни в чем не повинных людей?

– Ну да. А еще на разрушения и всякое такое. Разнесете вот полгорода, а платить кто будет?

– Проигравший, разумеется.

– А если вы его до смерти убьете? Молчите? Вот то-то и оно! – усмехнулся Триан.

– Меня все же хотели прикончить или взять в плен? – уточнила Вера.

– По-моему, пару раз пытались похитить, – подумав, ответил он. – Но им не повезло чуточку больше, чем разбойникам из Марри. После этого…

– Ясно.

Да, Соль Вэра запомнила эти эпизоды как совершенно незначительные. Ну пытался какой-то ненормальный маг задержать ее. Наверно, хотел отобрать редкие книги из далеких стран, куда самому уже не под силу тащиться… Не знал, бедолага, что книги Соль Вэра с собой не возит: самые интересные переправляет домой, для коллекции, а еще – чтобы поразить отца… Ну а все, чему она успела научиться, – у нее в голове. Конечно, если бы кому-то хватило сил изловить Соль Вэру и подчинить ее разум, тогда и он получил бы доступ к ее знаниям, но все упиралось в первый пункт.

Ее сумел бы удержать более сильный маг (а такие точно имелись), и лучше – не один, но этого почему-то не сделали. Может, просто потому, что такие специалисты были на виду? Служили при дворе или еще где-то…

Или же Соль Вэру вовсе не хотели убить, а пытались создать видимость покушений. Чего ради? Чтобы отец заволновался? Похоже, неизвестные добились своего, раз девушка оказалась здесь, в безопасном месте! Условно безопасном, учитывая собравшихся под одной крышей разных инородцев.

«А может, я выдумываю заговор на пустом месте, – сердито подумала Вера, пнув подушку. – Убить Соль Вэру наверняка хотели многие: с ее нравом и опасными шуточками сложно было не нажить врагов! А ссылка – это действительно ссылка, как она и предполагала. Словом, довольно переливать из пустого в порожнее, у меня еще этикет не охвачен!»

И с этой мыслью Вера погрузилась в пучины чужой памяти, да так глубоко, что с трудом вынырнула, услышав стук в дверь – это служанка робко желала госпоже доброго утра и спрашивала, не соизволит ли она позавтракать с господином ректором в малой трапезной?

– Соизволю, – пробормотала Вера, а громче добавила: – Передай мою благодарность за приглашение и скажи – скоро буду.

«Тьфу ты, забыла спросить, где искать эту малую трапезную! – спохватилась она, услышав шаги за дверью. – Ну да ладно, не единственная ведь здесь служанка, по пути спрошу…»

Глава 5

Выбрать что-то подходящее из вороха нарядов оказалось не так-то просто, но Вера справилась. Больше всего опасалась здешней моды: сразу ведь станет ясно, что она не умеет носить длинные юбки и, того хуже, кринолины!

К счастью, ничего подобного в гардеробе Соль Вэры не обнаружилось. В смысле, длинные юбки нашлись, но и только. Зато Вера с удивлением обнаружила брюки: некоторые походили на знаменитые блумеры, другие были самыми обычными, прямыми, довольно широкими. Юбка-брюки тоже отыскалась, и ее-то Вера и решила надеть.

С нижним бельем проблем не возникло (кажется, люди здесь прогрессивнее, чем показалось поначалу), с блузой и подобием камзола – тоже.

– Ты прав, – сказала она зеркалу, – вырез стоит сделать поменьше.

– Именно, хозяйка, – отозвался Триан, – не то еще отморозите, чего доброго, всю красоту.

Удобство владения бытовой магией Вера оценила: сотворить наряд из пустоты не выйдет, но вот временно придать любой тряпке вид бального платья при наличии определенных умений совсем не сложно. И уж тем более – перекрасить уже готовые вещи и немного их переделать.

– Я всегда говорил, хозяйка, что вам к лицу более темные тона, – прокомментировал Триан, – но не кажется ли вам, что императорский синий – это чуточку слишком смело?

Вера ругнулась про себя: да, тут цветом правителей считается не пурпур, а индиго. Нужно помнить и об этом, и о траурных, и о праздничных, и о недопустимых сочетаниях оттенков… десятки их!

– Так лучше? – спросила она, придав костюму оттенок грозовой тучи.

– Для этого склепа – в самый раз, – ответил Триан. – Только добавьте что-нибудь освежающее, шарф к примеру. Вот тот, переливчатый.

– Ты еще посоветуй пуговицы перламутровыми сделать, – проворчала Вера, подумала и в самом деле так и поступила. Вышло очень даже недурно: вроде бы и не слишком броско, но и унылой сизой галкой она не выглядит.

– Что, хозяйка, даже побрякушками не обвешаетесь? – поддело зеркало.

Вера посмотрела на туалетный столик и тяжело вздохнула: массивные золотые украшения с крупными камнями были совершенно не в ее вкусе. Да и не подходили эти перстни и серьги к теперешней одежде!

«Может, она ими как кастетом пользовалась? Это ведь даже не амулеты какие-нибудь, и яд внутри не спрятан», – подумала Вера, примерив одно колечко ради интереса. Мысль была не лишена логики – если стукнуть таким перстеньком в лоб, противнику не поздоровится.

Или это был «золотой запас» Соль Вэры? Как угадаешь, где застрянешь без денег? В долг жить можно, конечно, но ведь зазорно… как, впрочем, и разбойничать на большой дороге. Работа для магов есть не везде, вдобавок ее и на местных-то не всегда хватает, а берут они наверняка меньше заезжей знаменитости! Опять же не всякое дело Соль Вэре по статусу… Продав же содержимое этакого ларчика даже за полцены, можно выручить неплохую сумму и сводить концы с концами, пока отец не пришлет хоть сколько-нибудь.

– Не обвешаюсь, – решила Вера.

– Даже браслеты не наденете?

Вера выругалась про себя: ну как тут не выдать себя, если забываешь о самом важном? И забываешь именно потому, что для Соль Вэры это было само собой разумеющимся, тем, что делаешь не задумываясь! Как Вера, проснувшись поутру, машинально надевала очки, так колдунья надевала браслеты.

Узкие полоски металла плотно охватывали запястья и почти не ощущались на руке. От них к тонким колечкам на всех пяти пальцах тянулись не цепочки (Вера видела такие украшения и в своем мире), а сложно переплетенные металлические нити, повторяющие линии силы. Далеко не все, только основные. Это служило одновременно знаком уважения к собеседнику, и визитной карточкой (сразу видно, предпочитает он работать с водой или огнем, к примеру), и защитой от любителей втихую оценивать чужие умения. Преуменьшить свои возможности считалось вполне допустимым, но если кого-то ловили на преувеличении, уважать такого специалиста переставали, это точно…

Спасибо, эта роскошь была не золотой, из особого сплава (к слову, производимого подземниками), и изменить цвет украшений ничего не стоило.

Вера еще раз посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна увиденным: одета достаточно скромно, но со столичным шиком, связками драгоценностей не бренчит (а Соль Вэра ведь надевала по десятку колец сразу!), подкрашена в меру – только глаза подвела и губы едва-едва подкрасила (и без того яркие). Даже непокорные кудри ухитрилась скрутить в подобие прически! Даже ногти укоротила и стерла с них позолоту!

По ее мнению, она должна была произвести положительное впечатление.

«Или этот ректор подумает, что над ним издеваются, – мрачно подумала Вера. – Так… С этого момента ты – Соль Вэра. Никаких «она», «ее» и так далее. Это ты, это все твое… включая проблемы, тебе и разбираться».

И на этой позитивной ноте вышла из спальни, не забыв понадежнее запечатать дверь подходящим заклинанием.

Разумеется, дверь не вела прямо в коридор: в распоряжении гостьи имелась гостиная, кабинет (Вера заглянула туда на минутку) и даже ванная комната. Уточнять, как именно здесь устроен водопровод (и существует ли он вообще), к сожалению, было некогда: опаздывать Вера не любила, а время завтрака уже наступило. Рассчитывать же на то, что здесь придерживаются иного распорядка дня и завтракают вечером, было несколько опрометчиво. Хорошо еще, волшебство оказалось штукой на редкость удобной, можно не волноваться о нечищеных зубах и прочих мелочах…

– Могли бы хоть карту повесить, – пробормотала она, оказавшись снаружи. В коридоре гуляли сквозняки, и Вера в очередной раз порадовалась возможностям магии: замерзнуть и простудиться ей не грозило. – И план эвакуации. Со стрелочками.

Она вышла на галерею и осмотрелась: вокруг никого не было. Широкая лестница вела вниз, оттуда, кажется, расходились лучами несколько коридоров. Противоположная сторона галереи терялась в полумраке – факелы на стенах горели ровным огнем, но осветить все просторное помещение им оказалось не под силу. Кажется, выше был еще один этаж или даже два – вытянув шею, Вера смогла рассмотреть такие же галереи, – а под сводами царила тьма. Можно было разглядеть огромную, наверно, с детскую карусель размером, люстру на цепях, поднятую к самому потолку: если зажечь ее, света бы хватило, не пришлось бы спотыкаться на ступеньках…

Вера едва успела поймать себя за руку: устроить тут иллюминацию проще простого, но кто сказал, что обитатели замка этому обрадуются? И вообще, прежде чем что-то делать, неплохо разведать обстановку и понять, на каком положении ты здесь находишься.

– Ну и где эта малая трапезная? – пробормотала она, озираясь.

Бродить наугад по длинным лестницам и темным коридорам не хотелось, а в подобных строениях Вера совершенно не ориентировалась. Соль Вэра, как обнаружилось, тоже: замок не походил ни на одно из известных ей сооружений. Вернее, что-то знакомое попадалось, но эту громаду явно строили по индивидуальному проекту.

– И зачем столько пустого места? – продолжала ворчать Вера себе под нос. – Тут же околеть можно! Гонки квадрокоптеров они тут устраивают, что ли?

Слово из той, другой жизни прозвучало неожиданно странно, и Вера осеклась.

«За речью нужно следить, вот что, – мрачно подумала она. – Кое-какие словечки еще можно выдать за тарабарские термины, но лучше не стоит! Хотя бы потому, что собеседником может оказаться кто-то, тоже бывавший в той стране и знающий – таких слов в тамошнем языке нет».

Поискать нужное место при помощи магии? Но для этого нужно знать, что или кого именно ты ищешь, а с ректором Соль Вэра еще не встречалась.

«Прекрасно, магия не всесильна, так и запишем, – усмехнулась про себя Вера. – Придется попросту, ножками, ножками…»

Внизу послышался какой-то шорох, и Вера перегнулась через перила. По боковой лестнице кто-то поднимался – большой, грузный, в светлом, вроде бы меховом, плаще. Слышно было, как постукивает по каменным ступеням палка – неизвестный заметно прихрамывал, переваливался при ходьбе с боку на бок, но двигался при этом достаточно проворно.

Вот он поднялся на галерею и повернул в противоположную от Веры сторону. Она хотела окликнуть его, но почему-то не рискнула – казалось, в этом обширном пустом пространстве голос мгновенно погаснет. А может, наоборот, будет метаться эхом между колоннами и балюстрадами…

Вера в несколько шагов догнала незнакомца и выразительно откашлялась. Хорошо, за плечо не потрогала, стремясь обратить на себя внимание, – здесь это считалось неприличным. Во всяком случае, среди знати.

Незнакомец остановился – плащ его, волочившийся по полу, сухо шелестел при ходьбе, и Вера с удивлением обнаружила, что сделан он не из меха, а из перьев, – и обернулся.

Вернее, повернул назад голову, не меняя положения тела, на сто восемьдесят градусов, как делают совы, и уставился Вере в глаза.

«Собственно, почему «как»? – мелькнуло у нее в голове. – Это же и есть сова. Очень… гм… крупный экземпляр».

– Здравствуйте, – сказала она, вовремя сообразив, что желать сове доброго утра по меньшей мере невежливо.

– Госпожа Гайяри, – моргнула сова и начала разворачиваться уже всей собой, не отрывая взгляда от лица Веры. – Приветствую.

Физиономия напоминала неясыть, круглые желтые глаза казались непомерно большими, а вот клюв больше напоминал человеческий рот: если бы древняя беззубая старуха решила вытянуть сморщенные губы трубочкой, вышло бы похоже. Так или иначе, говорила сова вполне разборчиво.

– Вы…

– Мы встречались вчерашним вечером, когда вы изволили прибыть в школу, – опередила сова, развернувшись окончательно. Вера взглянула вниз и поняла, что по камням клацала не палка, а птичьи когти внушительных размеров. – Но, госпожа, вы очень устали с дороги и пребывали в столь скверном расположении духа, что и немудрено – погода стоит премерзкая, – поэтому вряд ли запомнили имя смиренной служительницы.

– Боюсь, это так, как ни прискорбно сознаться, – вздохнула Вера.

– Мое имя Тан Хасса, госпожа, – сова сдержанно поклонилась.

«Ночная тень», очень подходяще для такого создания… и необычно: сложно представить, что она тоже происходит из старой знати.

– Я привратница и ночной страж школы. Ну и… кхе-кхе… заодно и библиотекарь. Не думаю, впрочем, что вас смогут заинтересовать наши наполовину пустые полки.

– Отчего же, уважаемая, – ответила Вера, – и в скромных собраниях порой случается обнаружить подлинные бриллианты. Полагаю, у меня еще будет время познакомиться с вашими владениями, а пока не подскажете ли, где искать малую трапезную?

– Вам нужно спуститься по этой лестнице, госпожа, а затем свернуть во второй коридор налево и выбрать левую же дверь. Полагаю, господин ректор уже ожидает вас.

– Благодарю, уважаемая. Не хотелось бы заставлять его ждать.

– Доброго вам дня, госпожа Гайяри, – отозвалась Тан Хасса. – И приятной трапезы. Если мне позволено будет дать вам совет…

– Я слушаю.

– Воздержитесь от пирога с зайчатиной, – сказала та и смущенно потерлась щекой и клювом о плечо. – Боюсь, заяц был уже в весьма почтенном возрасте.

– Учту, – кивнула Вера, невольно улыбнувшись, и поспешила вниз, гадая: показалось ей или под сложенными крыльями Тан Хассы (конечно же, это был вовсе не плащ!) мелькнула человеческая рука?

И что это за создание? Рыболюдей Соль Вэра видела собственными глазами, псоглавцев встречали люди, достойные доверия, но вот человека-птицу, кажется, никто из путешественников даже не описывал. В сказках и легендах встречались люди с крыльями, но те ничем иным от обычного человека не отличались…

«Воистину зверинец», – невежливо подумала Вера и толкнула указанную дверь. Стучать не стала. Это же не личные покои, а она – приглашенная гостья. Тут промашки быть не должно…

– Госпожа Гайяри! – Ей навстречу поднялся высокий мужчина и ослепительно улыбнулся. – Нынешнее утро нельзя назвать погожим, но вы осветили его одним своим появлением…

– …будто солнечный луч, – закончила за него Вера, памятуя о том, что настоящая Соль Вэра не любит расшаркиваний. – Право, полагала, что хотя бы в этой Великим Солнцем забытой глуши я смогу отдохнуть от придворного суесловия, но, должно быть, жестоко ошиблась!

– О, прошу простить, – делано стушевался он, – я как раз старался не ударить в грязь лицом перед столичной гостьей. Первое впечатление, как утверждают, самое сильное, поэтому…

– Первое мое впечатление об этой школе – холод, снегопад со страшным ветром и чей-то вой в горах, – снова перебила Вера. – Боюсь, ничего сильнее вы предложить не сможете, поэтому, прошу, оставим церемонии!

– Как вам будет угодно, госпожа Гайяри, – улыбнулся мужчина. – Я наслышан о вас: говорят, вы предпочитаете судить о человеке по его делам, а не словам, и, вижу, не ошибаются.

– Только в том случае, если речь не идет о талантливом писателе, – сказала Вера. – Если он мастерски владеет словом, право, я сделаю вид, будто ничего не слыхала о его двоеженстве и привычке жить в долг.

Ректор натянуто рассмеялся, показывая ровные белые зубы. Вера, впрочем, оценивала не его улыбку, а браслеты: всего три линии, предпочитает воздух, землю и дух, причем преобладает воздух. Интересное сочетание – такой может оказаться хоть мастером заклинать ветра, хоть специалистом в грязной магии… Хотя нет, для последнего слабоват. Либо очень хорошо скрывает линии силы, что тоже наводит на подозрения.

– Я веду себя совершенно непозволительно, госпожа Гайяри, – произнес он, посерьезнев. – Полагаю, мое имя вам…

– Отец не счел нужным сообщить, – сказала Вера.

Это было чистой правдой: сколько она ни рылась в памяти Соль Вэры, ни единого упоминания о главе этого странного учебного заведения не обнаружила.

– О… понимаю… В таком случае позвольте представиться: Квон Арлис.

«Что не из старой знати, и по лицу понятно, Триан прав, – отметила Вера, – но еще и не имперец… Не запутаться бы – у них фамилия на последнем месте, не как у нас. А то так вот позовешь по имени – испугается, чего доброго. Или того хуже – сочтет за интимный намек».

– Рада знакомству, господин Арлис. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что вы происходите из северных областей заоблачного Дагарана?

– Вы абсолютно правы, госпожа Гайяри, – улыбнулся он, и вокруг светло-голубых, льдистых глаз собрались лучики морщинок, какие бывают у любящих посмеяться людей. – Родители мои пришли именно оттуда, спасая свои жизни в несчастливые годы смуты. Я же родился уже в Империи, да будет она благословенна под Великим Солнцем!

– Я же просила оставить церемонии… – поморщилась Вера. – Если бы вы только знали, господин Арлис, до чего они обрыдли мне при дворе!

– Прошу извинить, – повинился он, – должно быть, я увлекся и слишком вошел в роль, которую репетировал перед прибытием учеников.

– Вы, полагаю, приветствовали их речью? – предположила она, дождалась кивка и сказала: – Бросьте эту затею, никто этого не оценит. В другой раз лучше предложите им горячего вина и закуски: с дороги никто не станет слушать ваши излияния, а если и услышит, не запомнит.

– Вероятно, вы правы… Ах да, – спохватился Арлис, – пожалуйте к столу! Я счел возможным пригласить вас позавтракать именно здесь, чтобы… гм… обсудить некоторые важные детали с глазу на глаз.

– Прекрасно, – сказала Вера, усевшись на жесткий стул, – можете излагать, а я покамест утолю первый голод.

– Думаю, удобнее будет поговорить после трапезы, – немного натянуто ответил он. – Мы ведь никуда не торопимся, не так ли?

Ели в молчании, и ничто не мешало Вере получше рассмотреть визави. Сложно было определить, сколько ему лет: на вид – где-то между тридцатью и сорока, но он маг, поэтому может оказаться вдвое, а то и втрое старше ее. Вдобавок у северных дагаранцев встречаются разные типы старения: одни представители этого народа долго могут казаться юнцами, а потом стремительно обретают вид умудренных жизнью старцев, другие обретают зримые приметы возраста постепенно.

Квон Арлис обладал приятной внешностью: строгие, но не резкие черты лица, прямой нос, мужественный подбородок, ироничная складка у рта… Губы, кстати, такие, как нравились Соль Вэре, – не мясистые и не слишком тонкие, в самый раз, твердо очерченные. Да и лица такие казались ей вполне интересными…

Веру же мужчины подобного типа не привлекали. Она признавала, что они весьма хороши собой, могут быть обходительны и приятны в общении, но старалась держаться от них подальше: все время казалось, будто за этой маской прячется другой человек, и вовсе не обязательно такой же симпатичный. Вдобавок Арлиса, по ее мнению, портили небольшие залысины на лбу: они не были бы заметны, не зачесывай он гладко русые волосы, чтобы собрать в хвост, но увы… А еще Вере не нравились люди со слишком светлыми глазами: они казались слишком холодными, даже когда их обладатель искренне улыбался.

Арлис был высок (выше Соль Вэры, это точно), хорошо сложен и всем своим видом больше напоминал кабинетного ученого. Вера присмотрелась: руки ухоженные, и не похоже, чтобы в последнее время мужчина упражнялся с чем-нибудь тяжелее писчего пера.

Судить, конечно, приходилось только по опыту Соль Вэры: дома-то такие руки вполне могли оказаться у заядлого автомобилиста, по вечерам тягающего штангу в качалке. Вера представила Арлиса, жмущего от груди сто двадцать кило, потом – упражняющимся с пудовой гирей, и невольно развеселилась.

– Вижу, хороший завтрак вернул вам доброе расположение духа, – немедленно сказал Арлис, найдя повод отодвинуть заячий пирог, с которым сражался долго и безуспешно.

Тан Хасса не обманула: заяц явно не один год побеждал крылатую охотницу в соревнованиях на скорость, прежде чем угодил ей в когти. В том, что дичь добывает именно сова-библиотекарь, Вера почему-то даже не сомневалась.

– Пожалуй, – кивнула она, допив травяной отвар.

Разумеется, все, что Вера собиралась отправить в рот, сперва проходило проверку на наличие ядов или иных веществ, и это явно не укрылось от внимания ректора. Впрочем, списать подобное поведение на въевшуюся придворную привычку было проще простого. Он, однако, ничего не спросил, а продолжил:

– Скажите, госпожа Гайяри, высокочтимый батюшка сообщил вам, с какой целью направляет вас сюда?

– Боюсь, он не счел необходимым вдаваться в детали, – ответила Вера, стараясь сохранять невозмутимость. – Но, полагаю, раз это школа, я могла бы чему-нибудь обучить ваших подопечных? Не сомневаюсь, у меня найдется, чем их удивить, и отец не мог этого не понимать. Конечно, должность обычной учительницы для меня слишком… хм… скромна, но так и быть, сделаю одолжение. Мне все равно нечем заняться, а отец сумел заинтриговать меня, говоря об этом заведении!

– Гхе… – Арлис поперхнулся и долго кашлял. – Гхм… боюсь, вы неправильно поняли, госпожа Гайяри…

– Вот как? – Она прищурилась. – И что же именно, по-вашему, я могла понять неправильно?

– Я… я весьма признателен вам за ваше предложение, – продолжил он, – но, боюсь, у нас нет учительских вакансий. Полагаю, господин Гайяри имел в виду не совсем это…

– Неужели? – Вера вздернула подбородок. Жаль, даже магия не позволяет читать мысли! Вернее, позволяет, но это такой сложный и трудоемкий процесс, что заниматься подобным с заранее не обездвиженным и не зафиксированным объектом не стоит. – Неужели мой дорогой отец решил подшутить и отправил меня сюда в качестве ученицы? Что ж, он всегда славился чувством юмора! Подумать только, меня – в эту… в эту Великим Солнцем забытую школу! Чему я могу тут обучиться, скажите на милость? Зайцев ловить в разгар бурана?

– Нет же, нет, госпожа Гайяри! – замахал руками Арлис. – Все совершенно не так! Я хочу сказать, господин Гайяри настоятельно попросил принять вас в школе, но не соблаговолил объяснить, в каком качестве… хотя я догадываюсь…

– Извольте озвучить ваши догадки, господин Арлис, – холодно произнесла она, откинулась на спинку стула и непримиримым жестом скрестила руки на груди.

Глава 6

Молчание царило долго. Наконец ректор произнес:

– Полагаю, вы не знаете, как на самом деле называется это место?

– Откуда бы мне узнать?

– При основании решено было назвать школу школой Примирения.

– Очень мило. И что это означает? Чему тут обучают?

– Примирению, – развел руками Арлис, – чему же еще? И это, скажу я вам, непростая задача…

– Догадываюсь, учитывая, кого вы набрали в ученики, – хмыкнула Вера.

– Не мы набрали, а их семьи прислали тех, кого посчитали нужным и возможным подвергнуть нелегкому испытанию.

– Господин Арлис, я ничего не понимаю, – покачала она головой. – Вы не могли бы выражаться менее… гм… витиевато?

– Привычка, – вздохнул он, – здесь иначе говорить нельзя.

«Сожрут», – невольно подумала Вера, а ректор продолжил:

– Честно скажу, когда мне предложили занять место главы этой школы, я долго колебался, но потом все-таки решил рискнуть… и не пожалел, клянусь. Это может показаться вам странным, но занятия здесь – не самоцель, а средство достижения чего-то намного более серьезного!

– Примирения, что бы это ни значило?

– Именно, госпожа Гайяри. Раз уж вы упомянули о составе учеников, значит, в курсе, что здесь у нас обучаются шиарли из трех разных кланов, причем два из них – враждующие…

«Угадала», – обреченно подумала Вера.

– Еще – подземники, – продолжал Арлис. – Немного, но уж сколько есть: их и так непросто было уговорить, вы же знаете, насколько они неподатливы. И люди, конечно… самые разные.

– К примеру?

– В большинстве своем – те, кому некуда больше идти, – мрачно ответил Арлис. – Одаренные от природы маги, которых никто не возьмет в ученики, к примеру. Разве что какой-нибудь сельский колдун, который сам-то умеет разве что коров лечить и вызывать дождь над иссохшими полями…

– Вы так говорите, будто это что-то зазорное, – сказала Вера. – Не всем ведь входить в Созвездие, кто-то должен и крестьянам помогать.

– Но эти люди, попади они к хорошему учителю, могли бы именно достичь высот! – воскликнул Арлис. – Вот только время упущено: простительно быть неумехой в пять и даже десять лет, но… вы сами знаете, каков возрастной ценз для поступления в Императорский корпус.

– Да, ребенку должно быть не более двенадцати, – кивнула Вера, – и чем большему он уже обучен, тем лучше.

– Вот видите. В других школах дело обстоит примерно таким же образом, а учителей-подвижников, готовых гранить необработанные алмазы, можно перечесть по пальцам одной руки… Но, – сам себя перебил Арлис, – как раз эти наши самородки – не главное. Важно то, что они играют роль связующего звена, а заодно обучаются ремеслу волшебника… И я надеюсь, что после окончания школы Примирения, если мы все до этого доживем, конечно, они смогут пройти аттестацию даже в Императорском корпусе!

– Я все равно чего-то не понимаю, – вздохнула Вера. – Хорошо, вы и другие учителя пестуете великовозрастных недоучек. Но чем заняты в это время инородцы? Наблюдают за этим, уверена, в высшей степени забавным и поучительным зрелищем?

– Не без этого. Но они тоже учатся. Знаете, госпожа Гайяри, шиарлийская магия очень сильна, но она настолько же отличается от нашей, насколько легкий весенний ветерок…

– Вы не могли бы обойтись без лирических отступлений? В который раз прошу!

– Так вот, – ничуть не обиделся Арлис, – шиарли изумительно колдуют. По-своему. Наша система им абсолютно непонятна. Не недоступна, но ввергает в полнейшее недоумение. Нашими методами шиарли даже свечу зажечь не может, даже если сам по себе способен испепелить целый лес!

– Ну и прекрасно, каждому свое, – пожала плечами Вера. – Хотя я не отказалась бы разобраться в их приемах…

– О, боюсь, до этого дойдет еще не скоро, если они вообще сочтут возможным показать нам изнанку своих умений, – усмехнулся он. – Однако… Вы же знаете их натуру: они чрезвычайно горды. Представьте, как были уязвлены молодые шиарли, обнаружив, что не могут повторить чего-то доступного человеку, да не опытному магу, а вчерашней деревенщине!

– Вы хотите сказать, они загорелись желанием тоже освоить наши методы? – нахмурилась Вера. – Но чего ради? Это ведь все равно что чесать левой пяткой за правым ухом, когда руки есть.

– По сути, вы правы, госпожа Гайяри, – ответил Арлис. – Но, повторяю, дело не в этом. И не в том, что ни одному шиарли до сих пор не удалось полностью овладеть даже основами. А они старались, уж будьте уверены! Про подземников лучше умолчу, им магия вообще скверно дается. Но и им хочется иметь собственных волшебников, поэтому лезут из кожи вон, пусть и понимают, что им не то что шиарли, а и людей никогда не догнать, их дело – наука.

– Тогда в чем же смысл? – спросила Вера, хотя уже начала догадываться. – Все-таки в примирении?

– Именно. Дело это крайне нелегкое, но такие вот совместные занятия, представьте себе, дают определенные плоды. Поначалу было очень и очень тяжело, – он покачал головой, – и острых моментов хватало… Хотя бы потому, что наши необученные самородки не только магии не разумеют, но и вежливого обращения, а в случае с шиарли это…

– Попросту опасно!

– Да, они могли оскорбиться и уехать, похоронив большую часть начинания, – согласился Арлис, – однако они возвращаются снова и снова… иногда в другом составе, будь они неладны. Вот как в этот раз – опять несколько новых лиц, и начинай сначала… Но ладно, с этим мы постепенно разберемся. Наше главное достижение, госпожа Гайяри, состоит в том, что эта школа существует уже целый круг и за это время здесь не случилось ни одного убийства, можете себе представить?

– С очень большим трудом, – сказала Вера, припомнив свои мысли по этому поводу. – Полагаю, школа защищена чрезвычайно мощными чарами, не позволяющими ученикам причинить вред друг другу или вам и прочим учителям?

– Именно. Правда, некоторые разрушения имели место, но это поправимо.

– Надо же, как интересно! Мне не приходилось встречать подобного заклятия, действующего на протяжении столь долгого времени на большой площади, – она невольно потерла руки. – Что ж, я не зря проделала этот путь… Отец не ошибся: такое не может не заинтересовать меня! Конечно, я еще не рассматривала замок с магической точки зрения, но, думаю, мне не составит труда разобраться в плетении линий силы, и…

– Госпожа Гайяри, умоляю вас, не нужно! – взмолился Арлис.

– О чем вы?

– Не будите спящего дракона, – негромко ответил он.

– Вы снова выражаетесь загадками.

– Ни в коем случае, госпожа Гайяри, я абсолютно серьезен. Это… гм… не дело рук человеческих. А тревожить по пустякам того, кто придумал и сотворил школу Примирения, не нужно.

– Погодите, господин Арлис, вы это всерьез говорите, что ли? – нахмурилась Вера. – Я имею в виду дракона. Их же не существует!

– Вы же лучше меня знаете, что существуют, – негромко произнес он, наклонившись поближе. – Только доказать это невозможно.

– Вот именно, – фыркнула Вера. – Вы еще скажите, что этот дракон прилетел прямиком с Великого Солнца, где, как всем известно, они обитают, и…

– Да зачем же оттуда, – пробормотал Арлис, – там жарко… Вообще-то, госпожа Гайяри, они живут среди нас, и это никакой не секрет.

– Конечно, не секрет – его невозможно раскрыть, – невольно улыбнулась Вера. – А если попытаешься, все решат, будто ты шутишь. Или свихнулся.

– Вот именно. И это им очень на руку, – был ответ. – Обычно они не вмешиваются в наши дела, к чему им это? Но иногда кто-нибудь понимает, что обязан вмешаться, пока не дошло до большой беды, и тогда…

– Возникает школа Примирения?

– Именно так, госпожа Гайяри. И здесь вы в полной безопасности, – серьезно произнес Арлис, – как и любой из нас. Не верите – попытайтесь меня убить, сами увидите, что произойдет.

Вера не удержалась и попробовала – именно так должна была отреагировать Соль Вэра. Вдобавок хотелось испытать собственную силу…

– Ну… кха-кха… зачем же так-то? – выговорил порядком закопченный ректор, когда рассеялся дым. Половина малой трапезной была, считай, уничтожена, выжжена до голого камня. Арлис сидел на полу. Стул под ним обратился в пепел, костюм тоже пострадал, но сам он был невредим. – Бросьте что-нибудь прикрыться, будьте любезны…

Вера любезно подала уцелевшую половину скатерти, и ректор задрапировался в нее.

– А стрела или метательный кинжал, полагаю, отрикошетят? – с интересом спросила она, взвесив в руке тяжелую вилку.

– Именно. А яд не сработает. – Арлис превратил скатерть в отдаленное подобие погибшего костюма цвета горького шоколада с серебряной отделкой. – Можете не пробовать, за эти годы тут испытали такие замысловатые способы убийства, какие мне и в голову не могли прийти.

– Надеюсь, вы их зафиксировали? – не удержалась Вера. – Пригодятся соответствующим специалистам в местах, не осененных крылом дракона!

– Разумеется, я же отчитываюсь перед Императором, – буркнул тот.

– То есть он в курсе… Неужели и в драконов верит? Не замечала за ним подобного…

– Верит или нет, не знаю, – усмехнулся Арлис, – но его интересует результат, а результат имеется.

«Интересно, – подумала Вера. – Обитатели школы не могут причинить друг другу вред, а кто-то посторонний? Путник, попросившийся на ночлег, не пострадает, если ученики вдруг разбушуются? А наемный убийца, проникший в замок тайком, сможет совершить черное дело?»

Впрочем, в такие подробности она пока решила не вдаваться, отметив для себя, что, похоже, оказалась права. Если Арлис отчитывается перед Императором, то оба Полумесяца наверняка в курсе дел школы. И Ханна Соль отправил дочь именно сюда, в то место, где никто не сможет навредить ей… и где она никого не покалечит. Теоретически.

– Госпожа Гайяри, – произнес ректор, – понимаю, сложно поверить во все это, но когда вы увидите своими глазами, то убедитесь, что я не преувеличиваю.

– Увижу что? Или кого? Дракона?

– Может, и его, – усмехнулся Арлис. – Он, понимаете ли, где-то рядом, но где именно, я не имею представления.

– Незримо присутствует? – улыбнулась Вера.

– Ну почему же, вполне зримо… – пробормотал Арлис, перехватил ее взгляд и покачал головой: – Нет-нет, это не я, клянусь! Можете написать вашему достославному батюшке, и он подтвердит: мое происхождение досконально проверили, прежде чем утвердить в должности!

«Узнаю отца, – невольно подумала она, – на слово он не поверит даже дракону… Отца Соль Вэры, конечно же! Впрочем, сама же решила не разделять нас, чтобы не путаться…»

А еще Вера вспомнила то, что успела увидеть в замке: роспись на потолке в своей спальне, каменных драконов, крылатых и бескрылых, на балюстраде и на галерее – они обвивали перила, множились на барельефах, их статуэтки таились в темных углах и красовались на виду… Резьба на двери тоже изображала драконов. Ну, пока дверь была цела. А кто сказал, что дракон не может превратиться в собственную статую?

– Он может прикинуться кем угодно, – добавил ректор, будто угадав ее мысли. – Любым учеником, стражником…

– Вами.

– Наверняка, – серьезно ответил Арлис. – Бывало такое: все исполняли распоряжение, которого я не отдавал.

– Но разбираться вы не стали?

– Это было вполне разумное распоряжение, я бы лучше не придумал.

«А если этот ваш незримый дракон решит пошалить и отдаст отнюдь не самое разумное распоряжение? Или снимет эту свою защиту, забыв предупредить об этом?» – подумала Вера. Такое вмешательство мифических персонажей в реальную жизнь ей совершенно не нравилось, и расставаться со своими охранными и защитными заклятьями она не собиралась. Лучше уж перестраховаться.

– Ну хорошо, я постараюсь не тревожить его, – вздохнула она. – Кстати, вы так и не ответили на вопрос: чем же я стану здесь заниматься? Тоже… хм… изучать азы?

– Нет, что вы… Но, может быть, вы действительно могли бы преподавать что-то? – предложил Арлис. – Скажем, историю Империи и сопредельных держав?

– О нет, – твердо ответила Вера, – боюсь, наши взгляды на события Второй и Третьей Красноснежных войн диаметрально противоположны взглядам шиарли и тем более подземников. Я этак еще одну войну спровоцирую, чего доброго. Да и преподаватель из меня не самый лучший.

Тут Вера почти не солгала: учительницы из нее не вышло. «Характер не тот, – говорила ей дипломная руководительница. – В школе тебя сожрут. Не дети, так коллеги». Не сожрали. Вера сама ушла, поняв, что на борьбу с бюрократией уходит больше времени, чем на преподавание. И сама стала винтиком этой самой бюрократической системы, такая вот ирония судьбы! А куда было деваться с ее образованием? Переводчиков пруд пруди, и уж не школьного уровня, репетиторов тоже…

– Госпожа Гайяри, а вы ведь, как любая знатная дама, наверняка обучены вести большое хозяйство? – прервал ее воспоминания Арлис. – У нас тут случаются… гм… затруднения.

– Вы меня экономкой нанять хотите? – сощурилась Вера. – В самом деле?

– Ну что вы, просто предположил… Забудьте! Вы наша гостья, вот и все. Если, конечно, вас устраивает этот статус…

– Раз ничего другого не остается… почему нет? У вас тут достаточно тихо, а я давно собиралась привести в порядок свои дорожные заметки, – придумала Вера. Память памятью,

защита защитой, но по голове и камнем огреть могут в самый неожиданный момент, вот тебе и амнезия (в лучшем случае). А Соль Вэра знала слишком много интересного, жаль было бы это потерять.

– Замечательно! – с заметным облегчением сказал Арлис. – Вас никто не побеспокоит, обещаю. Только, госпожа Гайяри, очень вас прошу, следите за словами!

– Я не стану непристойно выражаться при учениках, можете быть спокойны.

– Речь не об этом. Не хотелось бы повторения инцидента с эоррийским послом…

– Не возьму в толк, о чем это вы? – делано удивилась Вера.

Хотя почему «делано»? Она в самом деле не могла отыскать в памяти Соль Вэры никакого посла и связанных с ним происшествий. Ладно, не страшно: Арлис, кажется, принял это ее нарочитое непонимание за кокетство.

Удобно, отметила Вера, нужно будет использовать такой прием и впредь. Не слишком часто, конечно же, а то ректор, чего доброго, возомнит о себе лишнего и решит распустить руки. А это чревато в первую очередь для него.

«Интересно, – тут же подумала она, – если, как он говорит, многие ученики не имеют представления о куртуазном обхождении и, подозреваю, способны зажать девушку в уголке, а девушка не может отбиться с помощью магии, тогда что? Или драконья защита распространяется не только на попытки убийства, но и на домогательства? И это нужно прояснить!»

– Ну как же, госпожа Гайяри, – произнес между тем ректор, – дело было на приеме в честь праздника Великого Солнца. Посол несколько утомил вас своим вниманием, вы и сказали ему: «Пропади ты пропадом!»

– И что же?

Арлис вздохнул.

– Неловко вышло: до сих пор найти не могут. Дипломатический скандал, понимаете ли… Одним словом, госпожа Гайяри, я рассчитываю на вашу сдержанность, поскольку не уверен, что даже здешняя защита устоит перед словом истинной ведьмы.

– Я постараюсь держать себя в руках, – ответила Вера. – Что ж… полагаю, вам пора приступать к обязанностям?

– Да, а для начала – привести себя в порядок. Надеюсь, вы присоединитесь к нам – я имею в виду себя и других учителей – за обедом? Могут подать и в комнаты, но разве вам не интересно взглянуть на прочих?

– Более чем, – заверила она. – А могу я осмотреть замок?

– Разумеется, госпожа Гайяри. Только имейте в виду: в левом крыле обитают шиарли, в правом – подземники, и без приглашения к ним лучше не являться.

– А людей куда поселили?

– Посередине, разумеется, – тяжело вздохнул ректор. – Ничего, места предостаточно… А теперь разрешите откланяться, время в самом деле поджимает.

Они распрощались, и Вера медленно направилась в свои покои, на ходу роясь в библиотеке памяти.

Вот, значит, что Соль Вэра унесла с собой, вот какие постыдные воспоминания… Вот с чем она не могла совладать, а оно прорывалось снова и снова! И Соль Вэра, наверно, порой желала вырвать себе язык, только бы не проклясть кого-нибудь еще! Жаль, бесполезно: мысленное проклятие тоже сработает, если будет высказано от души.

Истинные ведьмы (и колдуны) рождаются очень редко, и угадать, какую семью ожидает такое сомнительное счастье, невозможно. Повезти может и императору, и распоследнему бедняку, который магией не владеет вовсе. В последнем случае, правда, истинная ведьма может и не дожить до сознательного возраста: в деревне живо подметят, что сказанное в сердцах непременно так или иначе сбывается, ну и… прикончат злоязыкого ребенка от греха подальше. Или, если побоятся убивать сами, искалечат да выгонят в лес. И выживай как знаешь.

А еще истинная ведьма своим рождением непременно убивает мать, забирая всю ее силу. Вот почему умерла Мида Аль – дух ее отлетел с первым же криком Соль Вэры, и вернуть его в тело не было никакой возможности.

«Но ее вины в этом нет, – подумала Вера. – Никто не выбирает, каким родиться. Правда, верить в то, что Ханна Соль ненавидит дочь из-за этого, ей ничто не мешало… И, кстати, сама она так решила? Или кто-то подсказал? Хороший вопрос, жаль, ответа я не знаю!»

Могли и подсказать, решила она. Если сделать это в подходящий момент да умеючи… Соль Вэра поверила бы. Пусть не сразу, но, похоже, в искусстве растравлять собственные душевные раны она достигла больших высот. И вот додумалась… И не вспомнила бы уже, кто нашептал подобное…

А ведь интересно получается: школа существует двенадцать лет. Чуть раньше Соль Вэра повстречалась с Трианом, и с тех пор года не проходило без покушения! Или они случались и раньше? Докопаться почти невозможно, девушка не обращала внимания на подобную ерунду. Вот отцу ее наверняка докладывали, хотя бы охрана. Сопровождали же Соль Вэру несколько человек! Кстати, куда они подевались? Привезли ее сюда и уехали? Не должны были… А если их разместили в школе, то можно расспросить осторожно. Что-нибудь они да вспомнят.

«Ты сейчас додумаешься до того, что школа Примирения создана вездесущим и всеведущим драконом исключительно для того, чтобы завлечь сюда Соль Вэру, – сказала себе Вера. – И Триан не случайно попался ей на пути, докладывает, небось, обо всех телодвижениях… А может, он и есть дракон? Что ему стоит в зеркале спрятаться?»

Чушь какая-то! Истинную ведьму нечасто встретишь, но она не так уж сильно отличается от обычной. Да, сильнее многих, и иметь ее на своей стороне весьма соблазнительно, но дар проклятия контролировать невозможно! Даже для покушения истинную ведьму использовать не выйдет: для этого жертва должна чем-то сильно задеть ее. Вера еще подумала бы о том, что Соль Вэру могли пытаться изловить, одурманить, внушить что-нибудь (опытному магу это по плечу), а потом натравить… да хоть на Императора, она же из Созвездия, может увидеть правителя лицом к лицу. А потом… потом свалить покушение на Ханна Соля. Неужто его взбалмошная дочь действовала по собственной воле?

Но это был бы очень, очень зыбкий план. Силы воли Соль Вэре было не занимать, одурманивать ее и «программировать» – задача долгая и трудная. Неизбежно проявились бы изменения в поведении, в мелочах, на которых обычно и попадаются… Уж отец и сестры наверняка заметили бы это, а придворные маги могли уловить наличие чужой воли и попросту изолировать девушку от общества до окончания разбирательства.

Нет, план не просто зыбкий, а провальный. Шансов, что он сработает правильно, – один на миллион. И все ради того, чтобы подставить Ханна Соля? Глупо и нелепо! Если так нужно было избавиться от Правого полумесяца, логичнее было бы направить ярость Соль Вэры на него самого. Хотя и тогда могло ничего не выйти: как знать, перевесил бы приказ и тщательно выпестованная ненависть к отцу прежнюю любовь? А она ведь была – следы ее еще можно обнаружить, если зарыться очень глубоко в воспоминания Соль Вэры… И вот еще показатель: ненавидела она отца не первый год, однако что-то ни разу не обругала его… с фатальными последствиями. Держала все-таки себя в руках и даже в самом конце предпочла эту вот глупую месть прямой атаке…

А тогда, на дороге, увидев гибель Триана, Соль Вэра наверняка пришла в ярость и крикнула: «Да чтоб вам провалиться!» Нападавшие и провалились в полном составе, а на какую глубину, она не уточнила. Потому и ее свита не пострадала, не к ним проклятие относилось.

«В самом деле, нужно поосторожнее со словами обходиться, а то так пожелаешь кому-нибудь сдохнуть или облезть – нехорошо выйдет, – подумала Вера. – Особенно если защита действительно не выдержит… О, а может, с той целью меня, то есть Соль Вэру, сюда и загнали?»

Почему нет? Понимали, что рано или поздно она взбесится в четырех стенах, обругает кого-нибудь на чем свет стоит, и… неизвестно, что может случиться. Если проклятие сработает на человеке, это еще замнут, но если на шиарли или подземнике… Прости-прощай, мечта об инородцах, мирно уживающихся под одной крышей! Такого они не стерпят: им, значит, калечить других запрещено, а человеку позволено? Вот это будет конфликт так конфликт, на весь мир полыхнет, не обрадуешься!

«Но ты – не Соль Вэра, – сказала себе Вера. – Ты все же постарше будешь, не годами, а… вообще. И голова на плечах, будем надеяться, имеется. И язык за зубами ты держать приучена. Вот и прикуси его покрепче. Во всяком случае, до тех пор, пока не разберешься, кто и зачем все это затеял!»

Глава 7

Для начала Вера решила отыскать своих сопровождающих: судя по тому, что за окнами не было видно ни зги, разбушевалась метель. Вряд ли они поспешили в обратный путь, да еще без спроса. Не один год состояли при Соль Вэре, и пусть должность их и не была синекурой (при такой-то взбалмошной госпоже!), телохранители ею дорожили.

Все трое, знала Вера, происходили из семей вассалов Гайяри, все немного владели магией, а лучше того – всевозможным оружием. Ну правда, какой смысл приставлять к сильной волшебнице слабых колдунов? Пусть лучше следят за теми, кто может всадить кинжал в спину или устроить ловушку на знатную добычу: у Соль Вэры глаз на затылке все-таки нет, да и магия способна обнаружить не всякое злое намерение.

«Надеюсь, дракон не слишком рассердится, если я немного подергаю за ниточки?» – подумала она, приподняв кисти рук, словно готовилась положить их на клавиатуру.

Подходящее сравнение: касание каждой невидимой клавиши передавалось определенной струне – линии силы, а уж те, переплетаясь и взаимодействуя, производили слышимый лишь магом «звук».

«И хорошо бы еще было понять, как именно я это делаю!» – добавила про себя Вера, нащупав в сложном плетении нужные линии – это «звучали» ее сопровождающие.

В самом деле: она меняла одежду, бросала смертоубийственное заклятие в ректора, искала своих людей совершенно машинально. Очевидно, помогала память тела Соль Вэры, а та привыкла к этим действиям и даже не задумывалась, как именно колдует. С одной стороны, это было на руку, с другой – если кто-нибудь попросит показать определенный прием, Вера может угодить в неловкое положение… Какое-то время удастся отфыркиваться в привычной манере Соль Вэры: дескать, если вопрошающий до сих пор не освоил простейших вещей, то это исключительно его личные проблемы, но долго ли? Что, если речь пойдет о чем-то действительно важном?

«Вот тогда и зароешься поглубже в «библиотеку», – сказала себе Вера. – Вряд ли Соль Вэра может на ходу, не отрываясь от светской беседы, призвать духа. Для этого нужно какое-никакое сосредоточение, необходима подготовка… вот тебе и время на раздумья. А о бытовых вещах просто не думай – получаются, и отлично. Попросит кто-нибудь показать – поотнекиваешься, потом выудишь нужный… хм… параграф из школьной программы и научишь. Если захочешь, конечно: вряд ли Соль Вэра горела желанием обучать самым азам колдунов невесть какого роду-племени!»

Да уж, с правом на образование в этих местах явно обстояло не слишком хорошо, но Вера решила: не ею это придумано, не ей и менять сложившийся порядок вещей. В любом случае это далеко не приоритетная задача, сперва ухитриться бы не выдать себя, а главное – выжить! А в том, что Соль Вэру хотят если не убить – будь это так, уж расстарались бы как следует за столько лет, она все же не бессмертная! – то использовать в своих интересах, сомневаться не приходилось.

Размышляя таким образом, она миновала две лестницы, свернула за «путеводной нитью» в длинный холодный коридор и наконец очутилась в огромном холле – он казался еще обширнее уже виденного. Тут высились громадные, обитые металлом двери выше человеческого роста! Надо ли говорить, что замысловатые украшения изображали драконов?

Провожатые явно находились за дверью, куда бы она ни вела, и Вера решительно толкнула тяжелые створки. Как бы не так: те даже не шелохнулись, хотя ни замка, ни засова она не увидела. Не снаружи ведь заперли дверь?

– И где же привратник, когда он так нужен, хотелось бы знать? – вслух спросила она, оглядываясь.

– Перед вами, госпожа, – гулкий бас эхом отдался под темными сводами, и Вера только усилием воли не отпрыгнула назад. – Чего изволите?

– Ты – привратник? – уточнила она.

И правда, если присмотреться, узоры темной древесины складывались в подобие морщинистого лица, а металлические накладки были… да, пожалуй, шлемом со стрелкой, нащечниками, даже вроде бы бармицей.

– Да, госпожа. Чего изволите?

– Я хочу пройти, – ответила Вера. – Там, за дверью, мои люди. Мне нужно встретиться с ними.

– Никак нельзя, госпожа.

– Почему же?

– Эта дверь ведет наружу, а покидать замок без разрешения господина ректора запрещено.

«Час от часу не легче! – подумала Вера. – Чем дальше, тем сильнее это местечко смахивает на тюрьму…»

Вслух же она сказала:

– Я не собираюсь покидать замок. Он ведь не ограничен этим строением? Тут имеются службы, караулка, наконец? Внешние стены? Или моих людей бросили под открытым небом?

– Не могу знать, госпожа, – пробубнил привратник, и Вера от злости притопнула каблуком.

Ну что за чушь! Все трое определенно живы, смерть она бы почувствовала, но… Если их и впрямь оставили в какой-нибудь лачуге или даже на конюшне – это уже ни в какие ворота не лезет! Они ведь не бродяги безродные, они – телохранители Гайяри Соль Вэры, и им положено быть подле своей госпожи!

– Вот я и выясню, – зловеще пообещала она. – Открой дверь!

– Не имею права, госпожа. Без разрешения господина ректора…

Конечно, можно было пойти поискать Арлиса, объяснить ему ситуацию, попросить разрешения выйти… Да пусть бы привели ее людей в замок, и на том спасибо!

Ну нет… Это что же выходит: Гайяри Соль Вэра здесь на положении пленницы? Пускай даже почетной, но… шагу не ступи без спроса? Скоро окажется, что и слова не скажи, так, что ли?

– Последний раз прошу по-хорошему… – сквозь зубы произнесла Вера, попробовав пару заклинаний, способных отворить даже самые сложные замки. Разумеется, ничего не вышло. – Пропусти меня!

– Не положено, госпожа, – пробубнил привратник. – Без разрешения господина ректора…

– Ах ты деревяшка безмозглая! – Вера в сердцах стукнула по створке, но, конечно, только зря ушибла руку. – Да чтоб тебе сгнить, дрянь трухлявая!

Она повернулась к двери спиной и с силой лягнула ее, уже предчувствуя, как отшибет еще и пятку, но… Каблук застрял в чем-то мягком и вязком.

Потянуло лесом и грибами, на плечо Вере упало нечто длинное, осклизлое, и она с отвращением отряхнулась.

Повернувшись, Вера невольно попятилась. Дверь стояла как прежде, но держалась, похоже, только за счет металлической оковки. В том месте, куда пришелся удар каблука, обнаружилась вмятина, и она быстро разрасталась: вокруг нее древесина распадалась на волокна, мягкой трухой сыпалась на каменный пол… Снаружи задувал ледяной ветер.

– Прекрасно, – сказала Вера себе под нос и снова пнула дверь.

На этот раз большой кусок дерева вывалился наружу, образовав дыру достаточных размеров, чтобы в нее смог пролезть человек (что Вера немедленно и проделала).

– Эмпирическим путем установлено, – добавила она, оказавшись снаружи и обернувшись, – что против слова истинной ведьмы драконья защита бессильна. Будем надеяться, это действительно так, а спектакль с привратником не подстроили специально для меня!

С этими словам Вера устремилась на поиски – прямо сквозь метель. Ничего не было видно, но заплутать она не боялась, а потому шагала уверенно, хоть и проваливалась в снег по колено. Спасибо, длинную юбку не надела, было бы с ней мороки!

Она не мерзла, даже наоборот – не столько благодаря согревающим заклятиям, сколько странному ощущению, название которому Вера подобрать затруднялась. Была в нем и толика стыда – обещала ведь держать в узде свой нрав! – и гордость собственной силой, и приятное чувство превосходства… Чувство это жгло изнутри, даже щеки, кажется, разгорелись.

«А ей ведь это нравилось, – подумала Вера, усмехнулась и добавила: – И тебе нравится, разве нет?»

Еще бы… Не каждый день из обычной чиновницы Минобра становишься могущественной колдуньей, перед которой даже драконья сила – пшик! Главное, не увлекаться чрезмерно, а то ведь по заказу проклятие не произнесешь. На этом-то и могут подловить…

«Вот заодно и узнаю, насколько далеко распространяются мои привилегии, – решила она, – и на что Арлис и дракон готовы закрыть глаза. Громом меня на месте не поразило, это уже хорошо. И, кстати, забыла спросить, карает дракон нарушителей перемирия или просто сдерживает. Нужно будет уточнить».

Вера не ошиблась в предположениях: как в любом порядочном замке, здесь имелись службы. Было и что-то вроде флигеля, в крохотном окошке которого теплился огонек. «Путеводная нить» вела прямиком туда, и Вера, не утруждая себя стуком, распахнула дверь, напустив внутрь морозного воздуха.

– Госпожа?

– Госпожа…

– Госпожа! – вразнобой прозвучали три голоса, и она увидела своих телохранителей.

Вид они имели презабавный, поскольку явно грелись овечьим методом, сгрудившись на одной не такой уж широкой кровати и укрывшись всем, что имелось в наличии, – от плащей до одеял и лошадиных попон. Кажется, даже вытертый коврик виднелся.

– Великое Солнце… – протянула Вера, остановившись посреди комнаты и осветив комнату как следует. – Я жду этих остолопов, а они тут разврату предаются!

– К-какому разврату? – осторожно спросил тот, что с краю.

– Это у вас нужно спросить, чем вы трое заняты под всем этим тряпьем, – ответила она. – Или вы там девку прячете?

– Госпожа… – Второй решительно скинул одеяла и прочее на пол и, перебравшись через соседа, встал во весь рост. – Никаких девок, о чем вы…

– Ну и несет же от вас! – сморщила нос Вера. – Почему вы в таком омерзительном состоянии, позвольте узнать? Или без напоминания не способны привести себя в порядок? Доказываете сомнительный тезис о том, что раз люди произошли от животных, то мгновенно оскотиниваются, если над ними не довлеет общество… или хотя бы не стоит жена со скалкой?

– Госпожа!

Двое остальных встали навытяжку.

Да, фантазии Соль Вэре было не занимать: телохранителей она выбрала (из предложенного, надо полагать) как на подбор. Один – высоченный черноволосый и черноглазый атлет, второй – крепко сложенный блондин, третий – изящный, гибкий шатен. Только рыжего и не хватало для полноты коллекции!

«Триан был рыжим, – вспомнила Вера. – Не вовсе уж морковным, но на солнечном свету – очень даже заметно».

– В самом деле, что вы тут изображаете… – она едва не сказала «немцев под Москвой», но вовремя прикусила язык и продолжила: – щенков без мамки? Я знаю, что лень вперед вас родилась, но вы что, не способны хотя бы согреться?

– Только на это нас и хватает, госпожа, – криво усмехнулся брюнет. Гайя Ран его звали. Не из старой знати, конечно, и фамилия не личная, не заслужил еще, – по господину.

Все трое были младшими сыновьями в семье. Опять же, не из старой знати, – и, покинув отчий дом, оставили себе только личные имена. Их грела надежда когда-нибудь заслужить право взять себе новую фамилию и основать собственный род, а не прозябать главой младшей ветви в большом семейном древе. Теперь, принеся вассальную клятву господину, они звались по нему – Гайя. Вэре Соль это нравилось, удобно было окликать всех скопом.

– Неужто иначе мы позволили бы себе показаться вам на глаза в таком виде? – поддержал шатен, Лио.

– Мы должны были уехать сразу же, как доставили вас, госпожа, – завершил мысль блондин, Керр, – но не смогли, непогода разыгралась. Хотели переждать на конюшне, не впервой, но нам настоятельно выделили от хозяйских щедрот эту вот, с позволения сказать, опочивальню. И даже накормили…

– Но, скажу честно, у господина Гайяри такой дичью постеснялись бы и собак угостить, – пробормотал Ран.

– Неужто зайчатина жесткой оказалась? – угадала Вера, а сама подумала: или Ночная тень разом изловила нескольких длинноухих, или в этих горах водятся зайцы размером с оленя.

– Лио зуб сломал, – коротко ответил Ран.

– Страдальцы вы мои… – покачала головой Вера и раскинула руки, прощупывая линии силы этого строения. – Надо же, как интересно!

– Ага, мы уже посмотрели, госпожа, – сказал Керр. – Хитро напутано. Любая малость таких усилий требует, что… Мы решили – ладно, потерпим. Вьюга уляжется – снежком умоемся, а пока не околеть бы!

– А меня что ж не позвали?

– Так мы просили вам сообщить. Но было сказано: вы уже удалились в опочивальню, и беспокоить вас не станут.

– Я имею в виду… Впрочем, можете не объяснять, – махнула она рукой. – Не сумели, верно?

– Пробовали, – кивнул Лио, – но любой зов как об стену разбивается. Даже если бы втроем позвали – не вышло бы. Вот и решили не расходовать силы понапрасну. Очень, знаете ли, хотелось до утра дожить…

– Утро давно наступило, и вы могли бы хоть под окошком покричать, вдруг кто откликнется? – ответила Вера и попробовала вернуть одежде телохранителя приличный вид.

Удивительно, с каким усилием это далось! В замке бытовое колдовство действовало, как обычно, а здесь… Словно и в самом деле все проявления магии заглушал замок, стягивал к себе… В себя, поняла, присмотревшись, Вера.

Интересное дело! Выходит, и рядом с замком покушение затруднено? Хорошо бы понять, на каком расстоянии. Не то так вот выедет шиарли или подземник – домой отправится, к примеру, – а за ближайшей скалой его будут поджидать.

«Сверху бы посмотреть, – подумала Вера, – так рисунок силы проще разглядеть. Но и без того уверена, что больше всего это напоминает воронку с мощным магическим коконом в центре – школой Примирения. И человеку такое устроить не под силу, полагаю. Разве что большой компании сильных и хорошо сработавшихся магов!»

– Ну, довольно мерзнуть, идемте со мной, – велела она. – Погода в самом деле отвратительная, так что никуда вы не уедете в ближайшее время.

– Мы очень надеялись, что вы о нас не позабудете, госпожа, – искренне сказал Ран. – Но вы были так злы, что ушли в замок, а в нашу сторону даже не взглянули.

– У меня были на то причины.

– Госпожа, но господин Гайяри взволнуется, когда мы не вернемся с донесением!

– Ничего, свяжется с господином Арлисом и удостоверится, что я жива-здорова, – заметила Вера. – Ну, что встали? В этой дыре ни единого знакомого лица рядом, хоть на ваши опостылевшие физиономии взглянуть – и на том спасибо…

– Но нам приказано вернуться, как только доставим вас до места, – покачал головой Лио.

– Вот пускай отец сам приедет сюда в такую пургу, а потом возвращается сколько влезет, – отрезала она, но тут же спросила: – Постой-ка, он лично велел вам привезти меня сюда и ехать назад?

Телохранители переглянулись.

– Нет, – ответил Ран. – Приказ передал господин Арлис.

– Передал? – вкрадчивым шепотом переспросила Вера. – На словах, я полагаю?

– Никак нет, госпожа. Господин Арлис сказал, что господин Гайяри давно прислал инструкции, и показал нам письмо.

– И как же вы удостоверились в его подлинности? – сощурилась она.

– Подпись, во всяком случае, была настоящей, – после паузы произнес Керр, показав простой металлический перстень на безымянном пальце – на нем был выгравирован герб Гайяри. – Кольца среагировали как полагается.

– Письмо было адресовано не нам, а господину Арлису, – добавил Ран. – И в нем действительно сказано: «Отослать сопровождение моей дочери незамедлительно».

– Надо же до такого додуматься: оставить меня вовсе без охраны! – воскликнула Вера, не зная, что и предположить. – В месте, где магия не действует или действует непредсказуемо!

Телохранители переглянулись.

– Что, в замке еще хуже? – уточнил Керр.

– Там хотя бы работают бытовые чары, – ответила она, – а вот убить или покалечить кого-нибудь не выйдет, я проверяла. Обычным оружием – в том числе. Но кто знает…

– Любой запрет можно обойти, – задумчиво пробормотал Ран. – А уж нелюди на выдумку богаты!

– Инородцы, – поправила его Вера. – Изволь не забываться, иначе неприятностей не оберешься. Это же школа Примирения, чтоб ей про…

Ран зажал ей рот прежде, чем она договорила, а двое других настороженно прислушивались: не раздастся ли низкий гул, возвещающий о том, что замок рушится в разверзшуюся пропасть, не пора ли уносить ноги?

– Обошлось… – выдохнул он.

– Я же не всерьез, – улыбнулась Вера, отпихнув его. Такое обхождение было для Соль Вэры и ее телохранителей в порядке вещей. — *Пока* не всерьез.

– Ага. Заранее только предупредите, когда разгневаетесь, – проворчал Ран, накидывая мятый плащ. – Может, успеем сбежать…

Обратный путь по сугробам показался Вере намного более легким: мужчины прокладывали дорогу, не приходилось вязнуть в снегу.

«Вроде не заподозрили неладного, – думала она, следуя за Керром. – Это хорошо… Но почему отец велел им сразу же возвращаться?»

– Керр! – крикнула она ему в ухо, не без труда догнав. – А в письме не было сказано, почему отец решил оставить меня здесь одну?

– Нет, госпожа. Может, он писал об этом господину Арлису, но тот не показал… А от господина Гайяри я слышал, что в этих стенах, – Керр указал на едва различимые в метели башни замка, – вам ничто не угрожает. Так что какой от нас прок?

– Очень даже большой от вас прок… – пробормотала она и подтолкнула его в спину, чтобы шел вперед.

Действительно ли Ханна Соль полагал, что в школе Примирения его дочери не страшен никакой враг? Отчего не захотел подстраховаться и оставить с нею давно знакомых опытных людей? Могли они понадобиться ему для какого-то иного дела? Так-то оно так, но подобных Гайя у него пруд пруди, на этих троих свет клином не сошелся!

Или Ханна Соль подозревал кого-то из них? Или опасался, что любой из телохранителей, слабых магов, может подпасть под чужое влияние и навредить Соль Вэре? Поговорить бы с ним с глазу на глаз!

«Зеркало! – вспомнила Вера. – Триан же обитает в связном зеркале, так может быть… Попробую, непременно! Хотя и Триану доверять не стоит… Никому нельзя верить, что ж такое-то?»

– Сразу видно, госпожа постаралась, – произнес вдруг Ран.

Оказалось, они уже достигли дверей: вместо них зияла дыра, прихотливо переплетенная металлом.

– Кто… идет… чужие… проникли… в школу… тревога!.. – проскрежетал привратник и умолк.

– Снега наметет, – заметил Лио.

На полу уже высились невысокие сугробы.

– Ничего, в замке наверняка есть уборщик, вот пускай и займется своими прямыми обязанностями, – пожала плечами Вера и стремительным шагом двинулась уже знакомой дорогой. – За мной! Да почиститесь на ходу, не то вас и впрямь за снежных духов примут!

– Снежные духи так не воняют, – буркнул Ран, но когда Вера обернулась, все трое уже выглядели, как и должны выглядеть телохранители знатной дамы. – А что это за дыра, госпожа?

– Малая трапезная, – пояснила она, подумала и добавила: – Бывшая. Господин ректор любезно позволил мне попытаться убить его, а я не стала сдерживаться.

– Смельчак!

– Ненормальный, – покачал головой Керр и поковырял стену. – Н-да… Интересное местечко.

– Можете пока проверить друг на друге, что тут работает, а что нет, – сказала Вера, – а я покамест найду хоть какого-нибудь слугу, прикажу накормить вас и устроить поближе ко мне! Кстати, а в тот флигель вас кто определил?

– Он назвался привратником, – покачал головой Ран. – Невысокий такой, в меховом плаще. Голос низкий, хриплый, прихрамывает. Имени не сказал.

– Ну, кажется, я догадываюсь, кто это мог быть, – кивнула Вера. Тан Хасса! Но это вроде бы существо женского пола… Или здесь не одна такая сова? – А плащ какого цвета был?

– Темно-бурый, насколько удалось рассмотреть, госпожа, – отозвался Лио. – Шапка еще смешная такая, с кисточками. И бровищи – почти как у Левого полумесяца.

– Что ж, я выясню… Дожили! Гайяри Соль Вэра вынуждена разыскивать слуг для собственных телохранителей!

С этими словами Вера вышла в коридор и перевела дыхание.

Неизвестных в уравнении прибывало и прибывало…

«Ничего, – подумала она, – я их тут приведу к общему знаменателю! А Соль Вэра все-таки бессовестная девчонка…»

Неужто неугомонная дочь Правого полумесяца не проверила бы, так ли хороши ее телохранители в деле, как утверждается? В любом деле! Результат проверок ее, очевидно, удовлетворил целиком и полностью… Разномастную же троицу регулярно посещали откровенные сны с участием госпожи Гайяри, но наяву они ни о чем подобном и заикнуться не смели. Наверно, даже между собой обсуждать опасались…

«Удобно устроилась, паршивка, – усмехнулась Вера. – Но хорошо, что она им внушила, будто это всего-навсего эротические фантазии… У меня что-то нет ни малейшего желания следовать по ее стопам. С другой стороны, если оно вдруг возникнет, под рукой будут проверенные люди!»

И с этой мыслью она отправилась искать Тан Хассу.

Глава 8

Поиски завели в одну из башен. По пути Вера принялась материться, потому что заплутать в этом замке ничего не стоило.

– Нет, я все-таки прикажу развесить тут схемы! – топнула она ногой, в третий раз пройдя мимо одной и той же статуи дракона. – И указатели! Да, со стрелочками!

– Что это вы расшумелись? – прогудел незнакомый голос и почтительно добавил: – Госпожа.

Вера резко обернулась и столкнулась с незнакомцем – тот подобрался совсем близко. И как только она не услышала?

«Очень просто, у тебя нет привычки Соль Вэры всегда держать ухо востро, – мрачно ответила она сама себе, – а у этого типа мягкая обувь».

– Ох… – тяжело вздохнул он, выглядывая из-за охапки книг, которую каким-то чудом удерживал в руках. Несколько после столкновения все-таки упали. – Тан Хасса увидит – ругани будет…

Вера привычным движением подняла книги, походя смахнув пыль с переплетов (здесь не мешало убраться), и вернула незнакомцу. Все это мановением руки, разумеется. Не наклоняться же.

– Благодарствую, госпожа, – сказал он и развернулся боком, чтобы смотреть на собеседницу не поверх томов. Какое там поверх, книги громоздились выше его головы!

– Не стоит, право, – ответила она. – Вы упомянули Тан Хассу, я не ослышалась? Не подскажете, где ее можно отыскать?

– Да здесь, в библиотеке, – указал он подбородком. – Я думал, вы туда и идете.

– Теперь – да, – сказала Вера и решительно распахнула дверь, спрятавшуюся в густой тени под замысловато украшенной аркой. И даже придержала створку, чтобы нагруженный книгами незнакомец мог пройти внутрь, ни за что не зацепившись и не разроняв свой драгоценный груз.

Только сейчас Вера обратила внимание на то, что мужчина этот хоть и немного ниже ее, зато раза в полтора шире, и вовсе не благодаря лишнему весу. Просто такой вот он был… кряжистый, широкоплечий, с мощными ручищами. Книги весили не так уж мало, в деревянных-то, а то и металлических переплетах, но он явно не замечал их тяжести.

Лицо тоже грубоватое, будто топором вырубленное, но не лишенное привлекательности. И, похоже, незнакомец был еще достаточно молод: хоть на щеках и подбородке у него курчавилась скудная растительность, физиономия все равно взрослой не казалась. Так, мальчишка-старшеклассник: вымахал выше отца ростом, накачал мускулатуру, говорит басом, пытается отращивать бороду, но все равно видно – это совсем еще юнец.

– Вот, госпожа Тан Хасса, – говорил он тем временем, сгружая книги на высокую стойку, за которой, как на насесте, нахохлилась женщина-сова. – Принимайте все в целости и сохранности…

– Вижу, вижу, – пробормотала та, сверкнув на него желтыми глазами, как прожектором. – Еще что-нибудь возьмешь?

– Непременно! – загорелся он. – Разрешите выбрать?

– Иди, – повела она плечом в сторону теряющихся в полумраке стеллажей, – только не забывай: не больше десяти книг!

– Да я и больше донесу, госпожа Тан Хасса, – раздалось уже оттуда, – уж об этом не беспокойтесь!

Та покачала (вернее, покрутила) большой головой и уставилась на Веру.

– Госпожа Гайяри? Прошу извинить, что заставила ждать.

– Ничего страшного.

– Вы все-таки решили посетить нашу библиотеку?

Тан Хасса выбралась из-за стойки и, прихватив пару толстых томов, направилась к ближайшему стеллажу. Руки у нее действительно имелись: крепкие, когтистые, покрытые грубой морщинистой кожей – в точности птичьи лапы.

– Да, но я не взыщу знаний, как этот юноша, – ответила Вера, – а попросту разыскиваю вас.

– Зачем же я потребовалась госпоже? – не на шутку встревожилась сова.

– При первой нашей встрече вы сказали, что являетесь ночным стражем и привратницей школы, верно? Если с первым мне все понятно, то второе хотелось бы… прояснить.

– Что хочет узнать госпожа?

– Во-первых, – сказала Вера и выпрямилась, заложив руки за спину, – я хотела бы узнать, почему вы именуетесь привратницей, если эту роль исполняет какая-то гнилая деревяшка с самомнением выше, чем у самой высокой башни императорского дворца?

– Госпожа, должно быть, говорит о старом привратнике, который ведает входом в замок, – произнесла Тан Хасса, растерянно моргнув, – я же отвечаю за внешние ворота.

– Замечательно! Тогда скажите-ка, уважаемая, кто прошлым вечером устраивал моих спутников на ночлег? Они описали кого-то, похожего на вас, только в темном… хм… оперении и с кисточками на голове.

– Это был Тан Герра, мой собрат и помощник, – ответила она. – Вы его еще не встречали, госпожа, сегодня его очередь дежурить на башне.

– Да? Зачем бы это? Мы ожидаем нападения?

– Не могу знать, госпожа. Так приказал господин ректор, а мы не обсуждаем его распоряжения.

– Замечательно, – мрачно произнесла Вера. – Полагаю, именно по его приказу моих людей разместили именно там, где я их обнаружила?

– Господин ректор сказал, что ваши сопровождающие должны сразу же уехать, – после паузы ответила Тан Хасса и снова покрутила головой. – И что мы должны дать им свежих лошадей и припасов на дорогу. Но метель разыгралась такая, что они попросту заблудились бы, несмотря на то что все трое владеют магией…

– Вы хотите сказать, что оставили их в замке на свой страх и риск? – невольно понизила голос Вера.

– Мы рисковали лишь неудовольствием господина ректора. Герра предлагал проводить их хотя бы до перевала, но я велела ему не выдумывать: ветер такой, что его самого могло унести неведомо куда. – Тан Хасса вздохнула (перья на груди забавно встопорщились и снова опали). – Я же полагала, что к утру непогода уляжется, и они смогут спокойно уехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.